

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ЛУЧ

НОВИНКА
ОТ АВТОРОВ
«РИТУАЛА»
И
«VITA NOSTRA»

Марина и Сергей Дяченко

Луч

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39827353
Луч / Марина и Сергей Дяченко: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-097209-8

Аннотация

Четыре подростка в отрезанном от мира коттедже. Пятьсот человек на борту межзвездного корабля, летящего к далекой цели. В коттедже пройдет тридцать дней, на борту – тридцать лет. Это программа «Луч», и у тебя нет выбора. Колонисты на борту корабля потеряли смысл жизни. Чтобы вырваться из кошмара и вернуться домой, ты должен придумать людям на звездолете новый смысл и заставить в него поверить. И помни: это не игра.

Новый роман звездного дуэта Марины и Сергея Дяченко – о Смысле человеческого существования...

Марина и Сергей Дяченко

Луч

© Дяченко М., Дяченко С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

ДЕНИС

В свой тринадцатый день рождения Денис, как всегда, вышел погулять с собакой и, как всегда, отпустил Джеки с поводка на краю парка. Воздух лежал будто вода в осеннем пруду – слоями. В тени было прохладно, но солнце грело так нежно и с такой иронией, что Денис улыбался, подставляя ему лицо.

На баскетбольной площадке стучал мячом жилистый, высокий, рано сидящий мужчина: Денис встречал его здесь раньше, здоровался и был уверен, что это просто сосед, кому же еще быть? Когда Денис подошел, баскетболист вдруг кинул мяч ему прямо в руки:

– С днем рожденья, Денис.

– Спасибо. – Денис немного удивился его осведомленности и бросил мяч обратно.

Сосед атаковал кольцо, мяч завертелся в сетке, как пойманная рыба.

– У меня для тебя новости. Видишь ли, твоя мать продала мне тебя.

Говорил он доброжелательно, буднично, чуть улыбаясь и глядя в глаза. В мире полно сумасшедших, но сосед-баскетболист до сих пор казался Денису здоровым.

– Надеюсь, задорого, – сказал Денис машинально и поискал глазами собаку: ему захотелось срочно отсюда уйти. Тем более что никого, кроме него и безумца, на площадке в этот момент не было.

– Да уж не продешевила, – тот все еще улыбался. – Когда тебе было два дня от роду, ты загибался в кювете, и врачи ничего не могли сделать – я пришел к твоей матери и предложил сохранить тебе жизнь с условием: когда тебе исполнится четырнадцать, я тебя заберу.

Он слегка кивнул, будто надеясь на понимание. Денису стало холодно, и ноги превратились в два чулка, набитых стекловатой. Откуда сумасшедший знает, что Денис родился раньше срока и его едва спасли?!

– Но мне только тринадцать, – сказал он прежде, чем успел подумать.

– Вот-вот, – незнакомец снова кивнул, так просто и естественно, будто они с Денисом обсуждали цены на собачий корм. – Тебе нужно время, чтобы привыкнуть к этой мысли. Сейчас я просто предупредил. Через год, в этот самый день,

я тебя заберу.

– Старый придурок!

Денис бросился бежать. Хорошо еще, что Джеки примчалась по первому зову, может быть, почувствовала в его голосе и ужас, и отвращение. Обычно ее из парка домой калачом не заманишь.

* * *

Маме достаточно было бросить на него взгляд, чтобы ее лицо сделалось собранным и встревоженным:

– Что случилось?

На кухне двойняшки готовили сюрприз для именинника. Денис увел маму в детскую и прикрыл дверь.

– На площадке в парке сумасшедший маньяк, и он меня знает.

– Могли вы познакомиться в Сети? – мама соображала, как всегда, мгновенно.

– Не знаю, – Денис призадумался. День рождения был указан у него в профиле, значит, теоретически...

Он улыбнулся – с облегчением.

– Знаешь, могли. У меня в профиле на Фейсбуке реальное фото, и день рождения, и...

– Сколько раз мы говорили о безопасности в Интернете?!

– Прости, ты права... – Он уже смеялся, правда, немного нервно. – Этот дурак сказал, что ты «продала» меня, когда

мне было два дня, и он меня заберет, когда мне исполнится четырнадцать, и...

И тогда Денис впервые в жизни увидел, как люди падают в обморок.

* * *

День рождения был испорчен, хотя мама держалась отлично. Гости ничего не заметили или не подали виду. Три давних школьных приятеля отдали должное угощению, сказали поздравительные слова и почти весь вечер провели, играя на приставке. Оля и Коля, брат и сестра Дениса, спели песню, вынесли самодельный торт, кособокий и трогательный. Денис задул свечи. Никогда прежде он не думал, что простенькая маска спокойствия, внимания и веселья может выматывать, как забой угля в глубокой шахте.

Ни секунды за весь этот день, со времени злополучной встречи, он не мог найти себе места. Ладно бы он помнил о незнакомце постоянно – но нет, он отвлекался, забывал, а потом вспоминал заново, и каждый раз от воспоминания становилось хуже. И хорошо бы он думал только о сумасшедшем, но мама! Первый раз в жизни он видел ее такой беспомощной, растерянной и несчастной. Она до смерти напугала его обмороком, долго не могла успокоиться, начинала что-то рассказывать и обрывала себя, и от того, что мама, родная скала, пришла в столь плачевное состояние, Денису ка-

залось, что небо упало на землю.

Потом он вспомнил, что ему сегодня тринадцать. Если одна скала упала – другая должна встать и поддержать ее. Он не может себе позволить слишком долгое детство.

Вечером он слышал, как отец утешал маму, резонно, внятно, совершенно тщетно: «Это чья-то дурацкая шутка», «Это просто слова», «Чего конкретно ты боишься? Давай пойдем в полицию, напишем заявление, если тебе так будет спокойнее. Сообщим: псих угрожал похищением ребенка. Пусть сумасшедшего закроют».

Денис пришел в спальню, когда она расчесывала волосы перед сном:

– Знаешь, это как маятник. Сперва надеешься, потом боишься, сильнее надеешься, сильнее боишься, и так до бесконечности. Очень страшно.

Она кивнула – поняла, о чем он.

– Давай остановим наш маятник. Я обещаю – никто никогда не заберет меня. Я же не коробка с конфетами, правда?

Она улыбнулась.

– Всем так понравился день рождения. На следующий год пригласим побольше народу, ладно?

Она почти засмеялась. Потянулась к нему, накрыла волной своего запаха, обняла за плечи:

– Спасибо. Так и сделаем.

Больше они не говорили о незнакомце и заявление в полицию не понесли. Только однажды, через месяц после события, мама спросила в машине, отъезжая от школьных ворот:

– Как он выглядел?

Денис не стал переспрашивать, о ком речь.

– Высокий, лет сорок. Худой.

Мама кивнула, глядя на дорогу:

– Я была не в себе... когда говорила в больнице с каким-то... думала, это врач. Плохо помню, как в тумане. Он уже тогда был сумасшедшим. Оказывается, он выследил нас...

– В мире полно сумасшедших, но мы тоже не одуванчики. Он ничего, ничего не может нам сделать, мама. Пусть только попробует – и пеняет потом на себя.

Мама кивнула еще раз, ее лицо прояснилось, но одна складочка, между бровей, все-таки осталась.

Еще через месяц отец получил долгосрочную рабочую визу в Штаты. Новость свалилась на Дениса как мешок с песком: он-то никуда не хотел уезжать! Пусть на время, пусть к океану, но как же бросить свой дом, друзей, свой парк, свои давние маршруты?!

Но было нечто, зависшее в воздухе между ним и мамой, само собой разумеющееся, что придержало его язык и заста-

вило молча кивнуть.

– Пусть он попробует нас достать, – сказала мама только однажды, как бы сама себе. И Денис с ней мысленно согласился.

* * *

В свой четырнадцатый день рождения Денис не пошел в школу. Мама, которая теперь работала удаленно, решила весь день не спускать с него глаз, хотя после стольких месяцев это казалось лишней подачкой мнительности. Новая жизнь и новые заботы отодвинули фигуру незнакомца, погасили неприятные воспоминания, и старые страхи казались смешными. Денис пожалел, что пропускает занятия по греко-римской борьбе, но спорить с мамой не стал.

В одиннадцать утра прозвучал звонок из школы, где учились двойняшки: Коля сломал на лестнице ногу. Его надо было немедленно везти к врачу.

Мама позвонила отцу, но тот был на важном совещании. Мама, выругавшись, велела Денису запереться и никого не пускать в их съемный дом. И держать телефон под рукой.

Денис лег на диван, что редко мог себе позволить, и стал смотреть сериал о сказочно-средневековых кознях, казнях, интригах и прочих развлечениях. Явилась собака, Джеки, и улеглась рядом. Денис смотрел на экран, но уследить за действием никак не мог: то и дело отвлекался на мысли о де-

вятилетнем брате. А что, если перелом открытый и острая кость торчит из-под кожи? А что, если ребенок так и будет всю жизнь хромать?!

Мама звонила каждые полчаса. Коле дали обезболивающее в пункте неотложной помощи, сделали рентген, наложили лангету, обнадежили – все будет хорошо. Мама тоже успокоилась, перестала громко смеяться и мрачно шутить, обещала, что вечером они отпразднуют день рождения Дениса в узком семейном кругу, зато уютно и весело.

Потом звонков не было целый час. Потом Денис ответил на вызов – и не узнал ее голоса. Она кричала в трубку – надрывно, панически:

– Не выходи из дома, слышишь?! Я вызвала полицию, они будут через десять минут...

– Полицию?!

– Дэн, не открывай дверь никому! Даже полицейским! Жди меня...

– Что случилось?!

Обрыв связи. Джеки чихнула и посмотрела на Дениса с удивлением.

Он сидел на диване с телефоном в руках. В нем проснулся забытый, уже почти преодоленный страх. Тот особенный ужас, когда не знаешь, чего конкретно бояться. Когда не понимаешь, что происходит, просто тонешь в реальности, как в ловушке муравьиного льва.

Снова телефонный звонок. Номер не определился. Денис

решил не отвечать. Его телефон звонил простым старинным звонком, как телефонные предки полвека назад: дзинь. Дзинь. Потом звонки оборвались.

Вдалеке послышалась полицейская сирена. Все ближе. У калифорнийских сирен особая истерическая интонация – они орут так, будто спасти уже некого, все пропало. Эхо отдавалось в стенах соседских домов. На узкой улице полицейские машины устроят затор... что подумают соседи? А главное, что Денис скажет полицейским?!

Снова звонок с неопределенного номера. А что, если у мамы разбит телефон и это перезванивает с чужого телефона мама?

– Алло?

– С днем рождения, Денис, – сказал знакомый голос. – Это я, твой старый придурок.

* * *

Полицейские проторчали полчаса во дворе, перегородив машинами улицу. Потом приехала мама: «Я его видела, видела! Он явился ко мне и сказал, что заберет моего сына!»

Коля, бледный, сидел в гостиной и смотрел мультики, пока Оля, тоже бледная, носила ему из кухни воду, чай, клубнику, шоколад и строго запрещенные чипсы. Гипсовая лангета на Колиной ноге была разукрашена персонажами из «Губки Боба».

Полицейские задавали вопросы. Денис слышал голоса сквозь звон в ушах – ему казалось, что все не взаправду.

– Он звонил тебе?

– Да. Номер не определялся.

Они исследовали телефон Дениса: в памяти не сохранилось никаких вызовов, кроме маминых.

– ...он звонил, я не вру! Он сказал, что заберет меня...

Приехал с работы отец. Мама отправилась с полицейскими в участок: ей не верили. Не штрафовали за ложный вызов, но и не верили и, уж конечно, отказались предоставить охрану. О дне рожденья все забыли; только ночью, уже в двенадцатом часу, семья собралась все-таки на кухне, приковылял Коля на детских костылях, а Оля зажгла свечи на заранее приготовленном торте: четырнадцать тонких свечей.

– С днем рожденья, сынок, – сказала мама. – Через полчаса наступит полночь. Твой день закончится. А это значит, что он... этот... не исполнил угрозу. Не смог!

Отец посмотрел на нее устало: у него сорвалась важнейшая встреча, и завтра предстояли неприятности, нервотрепка, убытки. Упреки заполняли его рот, давили на корень языка: «Ты внушила себе», «Тебе показалось», «Это психоз», «Этот сумасшедший вообще мог звонить из-за океана». Но отец молчал, к чести его, и даже смотрел без осуждения – только с грустью.

Денис распаковал подарок: дрон, о таком он давно мечтал. Запах отличной вещи. Упаковочная пленка в пупырыш-

ках, которые так приятно давить между пальцами. Испытания летательного аппарата назначили на завтра, потому что была уже почти полночь.

Он поднялся в свою комнату по лестнице, устланной толстым ковролином. Близнецы легли спать: дверь в их комнату, с мультяшкой-пони, была закрыта. Денис отодвинул жалюзи на своем окне. На газоне включилась поливальная установка. Снизу потянуло влагой, запахом теплой земли и травы.

Запах теплой и мокрой земли. Покой и радость. Срабатывает, наверное, генетическая память поколений: как хорошо. Все нормально. Будет славный урожай. Ничего не бойся.

Когда мама легонько стукнула в дверь, он был уже в постели. Она подошла, улыбаясь, и села на самый краешек, страшно усталая, но почти умиротворенная:

– Спокойной ночи, сынок.

Он смотрел снизу вверх на ее лицо и никак не мог сказать того, что должен был.

– Я люблю тебя, мама.

– Я тоже очень тебя люблю.

– Мама... – он запнулся. – Если он заберет меня... не сомневайся, ты все правильно сделала. У меня *были* в жизни эти четырнадцать лет.

Ее дыхание стало громким, тяжелым, как после бега.

– Он тебя не заберет, – сказала она другим, жестким голосом. – Я не позволю... Спи!

Она отошла, села в кресло у письменного стола и осталась

сидеть в полумраке, дожидаясь полуночи. Денис послушно опустил веки, смущенный и благодарный: она охраняет его. Мама рядом.

У Дениса с раннего детства были особые отношения с матерью. Даже рождение близнецов не отдалило их друг от друга. Денис и мама были как одно целое.

Люди реагировали по-разному: некоторые озабоченно твердили, что это не вполне нормально, ребенку пора сепарироваться. Другие пророчили с умным видом: он подрастет – и станет, как все подростки, скрытным и независимым, только подождите пару лет. Кто-то упоминал Эдипов комплекс, – хорошо, что Денис тогда не знал, что это такое.

Сейчас, за минуту до полуночи, лежа в маленькой спальне маленького дома, затерянного среди таких же домов на маленькой улице, расположенной посреди огромного чужого континента, он задавал себе единственный вопрос: правда ли, что мать *продала* его?

Нет, это дурная формулировка, неправда. Продают ради выгоды, продают за деньги. Мама никого не продавала, она заключила договор... договор, а не сделку купли-продажи. И, если задуматься, условия неплохие. Четырнадцать лет – много. Это были хорошие четырнадцать лет.

...А хоть бы и продала? Какие варианты? Умер бы он на третий день жизни и ни разу не испытал бы радости. Не возился бы с Джеки-щенком, не учил двойняшек играть в мяч... Ох, Коля. Нога срастется, у детей быстро срастается.

Как хорошо, что у родителей есть близнецы. Малыши запомнят, что у них был старший брат...

Глупости! Как он мог впустить себе в голову такие мысли?! Что значит – «был», он не собирается никуда деваться!

...Знать бы, что будет потом. Пусть, пожалуйста, ничего не будет, никакого загробного мира. Заснуть и просто не просыпаться. Некоторые собаки живут по четырнадцать лет... целая жизнь. Только бы не было «потом». Слишком страшно об этом думать.

Пробили часы, арендованные вместе с домом. Содрогнулся пол: маленькое землетрясение, такие бывают здесь часто. И в ту же секунду сделалось тихо: не шипела вода в поливальной системе под окном. Не ездили машины по далекой трассе. Не стучали часы. Замолчала отдаленная полицейская сирена.

Денис сел на кровати, коснувшись босыми ступнями прохладного гладкого пола. В кресле по-прежнему кто-то сидел, но это была не мама. Денис включил свет; незнакомец смотрел на него, закинув ногу на ногу, небрежно откинувшись на спинку.

– Мама! – крикнул Денис.

Никто не ответил. Денис опрометью сорвался с постели, бросился бежать, распахнул дверь...

Свет из комнаты вырвался наружу, залил коридор, по колена заваленный обломками. Дом выглядел как после бомбежки, как после катастрофы, которая случилась много лет

назад – по стенам полз грибок, кое-где развалины поросли мхом.

Денис слепо огляделся. Дырявый потолок висел на обломках перекрытий. Крыши больше не было. В проломе виднелось небо, болезненно-желтое, подсвеченное пожаром. Дверь в комнату двойняшек болталась на одной петле, и едва был различим рисунок – мультяшный пони.

Денис завыл и ворвался в детскую; останков не было. Только обломки. Мусор, пыль, песок, потеки подсохшей воды. Денис кинулся вниз...

Упал на лестнице, покрытой лохмотьями ковролина. Скатился и сильно ударился головой. Секунду сидел, прижимая руки к вздувающейся шишке. Незнакомец стоял у него за спиной:

– Остановись, успокойся и послушай меня, я скажу кое-что очень важное.

Денис вылетел на улицу. Чернота, пустота, безмолвие. Развалины вокруг. От улицы осталась только табличка с названием, чудом удержавшаяся на столбе: «W. Beam Place».

– Где они? Где они все?!

– Неправильно поставленный вопрос.

Где *ты*?

Денис сел на заваленную мусором лужайку перед домом, туда, где раньше был газон, и впервые почувствовал холод. Он выскочил из дома в трусах и майке. Незнакомец уселся напротив – на раскрошившуюся бетонную тумбу.

– Ты – у меня. Я купил тебя и заплатил хорошую цену. Ничего удивительного, правда? Ты знал, что так будет.

Денис снова коснулся шишки на лбу и понял – да. Он знал. Думать о таком будущем было невыносимо, поэтому он целый год притворялся, что не верит.

– Зачем? – беззвучно спросил Денис.

– Что? – незнакомец приставил ладонь к уху, изображая глухого.

– Зачем? – Денис выдавил из себя голос. – Зачем я вам нужен?

– Я не собираюсь съесть тебя. Или изнасиловать, или послать на плантации. Ты нужен мне для одного дела... – Незнакомец вдруг подмигнул. – Давай обсудим условия твоего возвращения домой?

Никогда ни до, ни после Денис не испытывал такой радости, такой надежды, осязаемой, как жгучий виски, который он пробовал в жизни только раз, и то случайно.

– Ну вот, и глазки заблестели, – констатировал незнакомец. – Хорошо...

Он встал с бетонной тумбы, протянул Денису руку. Тот был вынужден подать свою. Ладонь у незнакомца была ледяная; он помог Денису подняться, поставил на ноги, не прилагая усилий:

– Меня зовут дядя Роберт. То есть меня зовут не так, но ты будешь звать меня дядя Роберт. Я дам тебе задание. Непростое. Работа займет тридцать дней, день на подготовку, ито-

го тридцать один день ты работаешь на меня, а я возвращаю тебе обратно всю твою жизнь в полном, как говорится, объеме. Ты ее таким образом выкупаешь.

Идет?

«ЛУЧ». МАКСИМ

Третью волну он ухитрился поймать – быстро-быстро грести руками, переместить вес тела назад, вскочить на ноги и угадать с равновесием, и волна понесла его, как официант коронное блюдо, на самом гребне, почти до берега, и Максим рухнул в белую пену.

Над водой стелились пеликаны, неподвижно зависшие черные тени, очертаниями похожие на птеродактилей. Пришел косяк рыбы: если открыть глаза под водой, можно поймать мельхиоровый сполох, блеск рыбьих светлых боков. Пеликаны бросаются носом вниз, один за другим, как серия томагавков, ввинчиваются в толщу воды, поднимая столбы пузырей... вот, совсем рядом. Пеликан сейчас вынырнет и перекинет рыбу в воздухе, чтобы ухватить поудобнее, но вокруг уже выются мелкие птицы-спутники, нороят выхватить добычу у ловца, вырвать прямо из клюва. Разбойничают, грабят – и при этом орут, как потерпевшие. А пеликаны молчат.

Максим оглянулся. Секунду решал, поймать ли волну еще раз, но усталость победила. Выбрел на берег, отстегнул шну-

рок на щиколотке, поставил доску под навес, к другим таким же доскам, байдаркам, лодчонкам.

Какое синее небо. Казалось, невозможно на него насмотреться, а вот поди ж ты – надоело. Высокая белая волна... и болит спина, и такое чувство, что стареешь с космической скоростью. Приходится напоминать себе, что впереди долгий путь, нельзя раскисать, еще немало предстоит сделать.

Максим подобрал красное полотенце с белого песка. Окинул взглядом пляж – тот тянулся на много километров, пустой, гладкий, стаи мелких птичек накатывали и откатывали вслед за волной, их ноги семенили так быстро, будто птицы гоняли на велосипедах. Ни человечка на побережье, а над прибором брызги, и горизонт теряется в тумане.

Максим набросил полотенце на плечи. По щиколотку увязая в песке, зашагал к башенке из камней и известняка, метрах в пятидесяти от линии прибоя. Обернулся, еще раз окинул взглядом берег и горизонт. Пеликанов стало больше, они казались пернатым островом на воде. Прийти сюда вечером, поглядеть на закат?

Щелкнул магнитный замок. Максим пригнулся и вошел в слабо освещенный тамбур. Закрыл дверь.

В тамбуре было тепло, влажно и обморочно-тихо. Когда-то здесь пели птицы, но потом их отключили. Максим отряхнул ноги, чтобы не разносить песок. Обернул мокрые плавки полотенцем.

– Луч, доступ в жилой сектор.

Звук-подтверждение.

Побежала вверх лестница-транспортёр. Придерживая полотенце, он встал босыми ногами на ступеньку. Щёлкнула за спиной дверь тамбура. Подул в лицо ветер с тонким, знакомым с юности, родным запахом. Лифтовая шахта сейчас закончится, и откроется великолепный вид – ещё секунда...

Вот она, башня. Три полукруглых лепестка, опутанных транспортными нитками, будто гирляндой. Огоньки внешних лифтов и транспортёров. Гениальное строение украсило бы любой мегаполис: в его силуэте полет, импульс, это наш «Луч» в порыве к цели...

Перед его лицом возникло объёмное изображение:

– Максим, в госпиталь. Немедленно.

– Что случилось?!

– Твоя дочь.

Экран погас.

* * *

– Я не понимаю, зачем мне жить, – сказала пятнадцатилетняя девочка. – Объясни, если можешь. В чем смысл?

Ему хотелось обнять ее, взять на руки и не выпускать много часов – он чувствовал ее боль многократно сильнее своей. Ему хотелось бить ее, трясти за плечи, хлестать по щекам – за это ее проклятое, безвольное «зачем». Лиза сидела в терапевтическом кресле, утыканная инъекторами, со странгуля-

ционной бороздой на шее. Усилитель звука, закрепленный на горле, помогал ей говорить.

– У тебя есть не просто смысл жизни, – он говорил, будто шел в магнитных ботинках, опираясь на каждое слово, – у тебя есть задание, цель. Как у солдата, как у пилота. Ты сегодня предала нас всех... попыталась предать.

– Я не хочу быть солдатом или пилотом. Я не записывалась к вам в экипаж.

Она едва говорила, но глаза смотрели бешено, прямо Максиму в зрачки. Это не был каприз и не была игра. Максим и раньше знал, что его дочь упряма, но теперь внутренняя сила, слепая ярость этой девочки с синяками на шее напугали его до мокрых штанов.

– Никто из нас не выбирал родителей, – сказал он мягко. – Ну извини, что мы с мамой родили тебя на борту «Луча», где твоя жизнь подчинена великой миссии. И у тебя есть друзья, безопасность, личное пространство, забота, учеба, игра. Океан, лес, горы...

– Это фальшивка, – сказала Лиза. – Будьте вы прокляты вместе со своим «Лучом».

И, зажмурившись, откинулась на спинку кресла.

* * *

– Это была наша главная работа, кванты, и мы ее провалили.

«Кванты» – они стали называть себя так еще перед стартом. Кванты одного Луча. Слово оказалось живучим.

Теперь они сидели на краю обрыва над рекой, солнце склонялось к верхушкам леса на том берегу. Пахло хвоей, дул легкий ветер. Зрение, обоняние, осязание и слух уверяли людей, что они видят закатное солнце, что в сумерках поднимается туман и скоро станет прохладно.

Все помнили, что нет ни реки, ни обрыва. А если и будут, то не скоро.

– Мы провалили, – с нажимом повторила Мария. – Вырастить и воспитать детей, чтобы они были лучше нас! Сильнее, умнее, стабильнее! Чтобы они могли удержать цивилизацию, преумножить и передать дальше!

– Пафос офф, – пробормотала Анита. – Рычажок вниз.

Стало тихо, в траве верещал сверчок. Мария опустила голову, Максим дотянулся и сжал ее руку. Несправедливо и неправда: речь не о пафосе. Человек переживает профессиональную катастрофу, можно бы и посочувствовать.

– Давайте все успокоимся, – сказал Андрей. – Девочка психанула – и сформулировала то, что волнует их всех. Они обвиняют нас, понимаете? Пятьсот лет назад человек мог прожить всю жизнь в маленькой деревне, быть частью крохотного социума и никого не спрашивать о смысле жизни. Но мы-то с рождения закладывали в их головы, что каждый из них личность и что за ними – человечество, огромные возможности, разнообразие, равенство, сотни миллионов себе-

седников... Естественно, им кажется, что мы заперли их на «Луче» и предопределили их жизнь насильно, до их рождения. Пятьсот лет назад это было бы естественным. Но они ведь, по задумке, – люди будущего...

Солнце наполовину утонуло в соснах. То, что заменяло здесь солнце. Визуальный эффект.

– Тогда они правы, – сказал Максим, и лица всех, кто собрался этим вечером на холме, повернулись в его сторону.

Сверчок замолчал.

ДЕНИС

– Двадцать лет назад двести человек – сто супружеских пар, тщательно отобранных, твердо мотивированных, отправились в путь на космическом корабле «Луч».

Денис болтался между сном и явью, и то, что он видел сейчас, принадлежало, наверное, сну: космический корабль в черной пустоте, похожий на технобабочку с четырьмя крыльями. В гладких плоскостях отражался свет звезд. Сон был бы прекрасен, если бы в него не вплетался колючей проволокой голос дяди Роберта:

– После старта на корабле родилось второе поколение, еще триста два человека. Этим людям предстоит дать жизнь третьему поколению, воспитать и передать ценности в полном объеме.

Денис увидел пространство, подернутое дымкой. В тумане

не возвышалась башня: три полукруглых лепестка, устремленных вверх.

– Жилой отсек устроен таким образом, чтобы сохранять у обитателей пространственные понятия: внутри – снаружи. Оболочка внутри оболочки, дом внутри корабля. Эти люди живут дружной общиной, все они – тщательно отобранные, эмоционально устойчивые личности с высоким уровнем самосознания. Почти все. Денис, ты меня слышишь?

К его губам прислонили прохладный стакан – влага, счастье. Денис глотнул, вода пролилась в горло, потекла там, внутри, заново обозначая контуры тела. Денис понял, что может двигаться, что он сидит в кресле, чувствуя, как вибрируют спинка и подлокотники. Самолет?

Картинка изменилась: башня отодвинулась и пропала, утонула в паутине коммуникаций, конструкций, технических коридоров, резервуаров и полостей, фактур и структур – всей закулисной машинерии, которая дает горстке людей жить, дышать, спать в безвоздушном холодном пространстве. Снова возник корабль, теперь с другого ракурса. Денис, задержав дыхание, залюбовался – даже теперь. Даже в таких обстоятельствах.

– Это... компьютерная симуляция?

– Вообрази альтернативную реальность, где у землян есть ресурсы, чтобы отправить корабль в дальний полет, но нет технологий, чтобы уложить экипаж в спячку.

– Но...

– Ты ведь знаешь теперь, что мир устроен сложнее, чем ты думал?

Да, подумал Денис. Ты объяснил мне – быстро и эффективно.

Звезды растаяли. Космос сменился синим небом. Денис увидел океанский берег: опрокидывались волны на песок, качались на ветру свечи высоких пальм.

– Вот рекреационная зона, – сказал дядя Роберт. – На корабле их четыре, они моделируют естественные земные ландшафты... Нет, это не компьютерная симуляция. Это настоящая соленая вода... И настоящие люди, Денис. Это люди.

Наваждение съезжилось – космос, корабль, башня. Втянулось в рамку, превратилось в плоское изображение на экране. А под экраном сидел дядя Роберт, в джинсах и свитере, простой, понятный, inferнальный. Лил воду в высокий прозрачный стакан:

– Спрашивай, у тебя должны быть вопросы.

– Куда они летят?

– К планете земного типа, с прекрасным климатом, источниками энергии, флорой и фауной, но без разумной жизни. Третье поколение «Луча» колонизирует этот чудесный мир. Еще вопросы?

– С точки зрения генетики... Жалких двести человек, как прародители будущего человечества...

– Рад, что ты соображаешь. Мне показалось в какой-то

момент, что ты раскис... Нет, эти люди не глупее тебя. У них есть замороженная донорская сперма и работающая генная инженерия. Не волнуйся за них.

– Я не волнуюсь. Что... я должен делать?

– Дай им смысл жизни за тридцать рабочих дней, и я отпущу тебя домой.

– Что?!

Дядя Роберт протянул стакан – через разделявший их стол:

– За тридцать дней эксперимента на корабле пройдет тридцать лет. Раз в сутки – в их реальности однажды в год – ты сможешь оказывать на пассажиров воздействие: менять условия, подкидывать информацию, давать новые вводные. Ты не сможешь напрямую вмешиваться в их сознание.

– Но... разве... смысл их жизни – не сам полет?

– Для первого поколения да. Но рожденные на корабле дети могут решить, что этот смысл им навязали... Ведь так оно и есть.

Денис молчал. Дядя Роберт кивнул, подбадривая:

– Там нет ничего сложного, искусственный интеллект корабля исполнит любой каприз, но ты должен верно рассчитать, какие последствия будет иметь каждое вмешательство. Ты можешь сказать пассажирам правду о себе, об эксперименте, но это разрушит их картину реальности и приведет их и тебя к краху. Никому не нравится осознавать себя игрушкой.

– В чем суть эксперимента?

– Для тебя? Очень просто. Если ты приведешь к цели двести колонистов третьего поколения, осознающих смысл жизни... ты вернешься к матери, отцу, брату и сестре, которые тебя нежно любят.

Денис ничего не смог сказать – у него перехватило горло.

– Кстати, забыл сказать, – дядя Роберт улыбнулся. – У тебя будут помощники. Завтра вы познакомитесь.

«ЛУЧ». ЛИЗА

– ...Если кто-то боится, лучше сразу заткните уши. Это очень, очень жуткая сказка.

Они придвинулись ближе – вся подшефная группа, пятнадцать сопящих носов, тридцать горящих глаз. Дело было в спортзале, на мягком полу под уходящими вверх канатами, лестницами, конструкциями для воздушной гимнастики. Казалось, сверху нет ни неба, ни потолка.

– На одном корабле был запертый люк, – Лиза говорила тихо и отрешенно. – Его нельзя было открывать никому. Когда кораблю отдавали приказ – кто угодно, даже самый взрослый и самый главный лидер, – корабль отвечал так: «Никогда, никогда человек не должен заходить в тот отсек! Я не открою люк!»

Тишина. Сопение.

– А на том корабле родился один мальчик. Он был гений,

потому что его родители отредактировали его геном специально. Когда ему было пять лет, он пообещал детям в своей учебной группе, что откроет запертый люк...

– Дурак! – не выдержала Софи.

– Слушай дальше. Мальчик вырос и стал хакером. Он разобрался в исходниках корабля, взломал искусственный интеллект...

– Ну дурак! Дурак же!

– ...И когда он подошел к люку и велел кораблю открыть его, люк зашипел вот так – ш-ш-ш...

Софи зажала ладонями уши. Ее примеру последовали Саша-третий и Роджер.

– И люк открылся. Мальчик вошел и сперва ничего не увидел. Там было темно. Но потом его глаза привыкли к сумраку, и он увидел...

Софи отбежала подальше, чтобы точно ничего не слышать, – но никак не могла уйти, разрываясь между страхом и искушением.

– А там висят мертвые люди! Их повесили за ноги, вниз головой! Он посмотрел на них и узнал своих соседей, родителей, их друзей – весь экипаж! Все люди на корабле давным-давно умерли, а те, кто притворялся людьми, – были компьютерные программы!

– Хватит! – тонким голосом крикнул Роджер, его трясло. – Не рассказывай, очень страшно!

– Тут и сказке конец, – примирительно сказала Лиза. – А

кто слушал – молодец...

– А что с ним потом стало? – шепотом спросила Йоко. – С этим мальчиком?

– Он переписал свою память в память корабля и дал системе приказ взорваться. И вот весь корабль...

– Не надо! – взмолился Роджер.

– И жили они долго и счастливо, – Лиза улыбнулась, показав зубы.

– Кто жил? – маленький Дима не умел понимать иронию. – Кому там было жить, если все умерли?

– Они так играли, – рассудительно сказала Йоко. – Потом те, кто умерли, встали и пошли.

Лиза потрепала ее по черным, блестящим, гладким волосам. В глубине души она, как и эта девочка, верила, что смерти нет. Может быть, она есть на Земле, где леса и океаны, где водятся киты и живут миллиарды людей. Но здесь, на «Луче», еще никто не умирал.

ДЕНИС

Он полежал минуту, глядя в белый потолок. Глаза открылись легко, а ведь еще полчаса назад ему снилось, что веки срослись и никогда больше не откроются.

Или не полчаса назад? Сколько времени прошло?

Он помнил далекую сирену, рев мотора, разговор в самолете... и все. Дядя Роберт протянул ему стакан с водой...

Или не водой... И с тех пор Денис ничего не помнил. Где находится этот белый, с синеватым отливом потолок... и таблетка пожарной сигнализации в углу? И светло-бежевые стены?

Он сел на кровати. Тело слушалось. Руки не затекли, пальцы гнулись. Мочевой пузырь не протестовал. Или?..

Он вскочил, откинув одеяло, – на нем был памперс, как на младенце или неходячем больном. Денис взвыл от ужаса и отвращения. Не нашел липучек, долго возился, срывая с себя эту дрянь, бросился туда, где в гостиничном номере была бы душевая, – и угадал. Затолкал обрывки памперса на дно пустого мусорного ведра, закрыл хромированной крышкой...

Огляделся, голый и дрожащий. Ванная комната стандартного гостиничного номера: не роскошно, не противно. Душ и ванна, блестящий чистотой туалет, под зеркалом электрическая зубная щетка, на вешалке махровый халат. Денис, стуча зубами, натянул на себя белое, новое, стерильно-чужое. Халат оказался почти впору, в кармане нашлась запечатанная мини-упаковка с ватными палочками. Надо же, как трогательно.

Плеснул в лицо холодной водой. Завис над раковиной, глядя на свое отражение. Вот, значит, как. Все реально. Эта комната реальна.

Босиком вышел из ванной. Задержав дыхание, взялся за ручку двери...

Заперто. Конечно же. Мышеловка.

Только не дергать дверь в панике, не колотить ногами. Не давать волю клаустрофобии. Это уютный гостиничный номер, а не тюремная камера, все в порядке...

В комнате зазвонил телефон, Денис подпрыгнул от неожиданности: дзинь. Дзинь. Звонок исходил из письменного стола; Денис рывком открыл ящик. На дне валялись ножницы, крохотные катушки ниток, иголки-булавки, расческа, еще какой-то хлам – и смартфон без марки. Похожий на дешевую копию корейского бренда, с зарядным устройством. Телефон вибрировал, сотрясая стол, освещал ящик изнутри гнилым зеленоватым светом. На дисплее высветилось: «Луч».

– Здравствуйте, Денис, – сказала трубка приятным ровным голосом. – Я Луч, искусственный интеллект, ваш виртуальный помощник на время эксперимента. Не хотите ли вы пройти первичный инструктаж?

– Ничего, что я голый?

– У вас есть время, чтобы осмотреться и привести себя в порядок. В вашем распоряжении имеется все необходимое. Когда будете готовы – пожалуйста, вызовите меня.

Отбой. Денис уронил телефон на постель и огляделся: светлые стены, чистый палас, широкая кровать. Неожиданно свежий воздух; окно, прикрытое легкими кремовыми шторами. Снаружи, кажется, солнечный день; Денис кинулся к окну, дернул штору...

Не окно – глухая ниша в стене. Ни дня, ни ночи, только лампы дневного света. Денис сцепил зубы; ничего. Можно представить, что это отель в аэропорту, вот и картина на столе – самолет на взлетной полосе. Маме бы понравилось.

Он аккуратно задвинул штору. Прошелся по комнате, остановился перед книжным шкафом. Да, в этой комнате был книжный шкаф с открытыми полками – как ни в одной гостинице, где Денису приходилось бывать. Он стал читать корешки: Шопенгауэр. Сартр. Вольтер. «Божественная комедия». «Источник: сборник сказок и притч». Аристотель. Декарт. Дидро. И так далее, вперемешку и без системы, четыре плотно заставленные полки.

Денис повертел в руках томик Сартра и поставил на место. Выдвинул нижний ящик, и тот оказался полон коробками настольных игр: шахматы, нарды, го. Какие-то совсем уже экзотические, древние игры, реконструированные по археологическим находкам: Манкала, Королевская игра Ур, сенет, мехен, «Четыре шара», «Собаки и шакалы»...

С некоторой опаской поглядел на платяной шкаф. Исходя из содержимого библиотеки – что там? Костюмы с галстуками или смирительные рубашки? Денис рывком открыл дверцу...

Аккуратно сложенная и развешанная одежда – новая, с бирками. Джинсы, футболки, свитера, на полке – туфли и кроссовки. В пакете белье, все по размеру.

Он принял душ и оделся, нормальная одежда придала ему

уверенности, он перестал себя чувствовать пациентом. Похищенным – да. Но человек в штанах как бы восстанавливает часть потерянного достоинства.

Нарочно долго вывязывал шнурки на новых кроссовках – тянул время. Постоял у фальшивого окна. Рухнул на кровать, взял в руки телефон; в адресной книге обнаружилась единственная запись: «Луч».

* * *

– Помещение представляет собой трехэтажный коттедж с территорией. Каждому из четырех участников эксперимента предоставлен отдельный комфортабельный номер. В буфетной комнате имеется все для здорового питания. В спортзале вы сможете поддерживать физическую форму, для вашего отдыха на территории коттеджа имеется открытый бассейн...

– Я хочу выйти из комнаты.

– К сожалению, сейчас это невозможно. Дверь вашей комнаты разблокируется завтра, в восемь утра.

– А если я до того времени околею?!

– Состояние вашего здоровья не дает поводов для беспокойства. В вашем распоряжении холодильник с запасом продуктов, микроволновая печь и чайник. На стене в ванной комнате вы найдете аптечку с набором медикаментов для первой помощи.

Денис заглянул в холодильник: колбаса, сыр, масло, готовые бутерброды. Картонные упаковки с полуфабрикатами. Как трогательно. В ванной отыскал аптечку: бинты, вата, пластыри, бактерицидная мазь... Постоялец мог лечить простуду либо порезы, других недугов для него не предусматривалось.

– Обратите внимание, на третьем этаже здания находится офисный зал, рабочее помещение для участников эксперимента.

– Где другие участники? – быстро спросил Денис.

– Проходят инструктаж. Вы увидите их завтра.

– Что я должен делать до завтра? Торчать в комнате?!

– В вашем распоряжении профильная литература, которая поможет вам по ходу эксперимента. Кроме того, вам необходимо набраться сил перед завтрашним...

Денис нажал «отбой».

* * *

Ночью его накрыло – он метался на огромной гостиничной кровати. Забывался на несколько минут, и ему снилось, что он дома, еще в Энске, еще в той квартире, где родился и где учился ходить. Ему снилось, что Коля и Оля трясут его за плечи, подносят именинный торт и мама, совсем рядом, в соседней комнате, зовет всех к столу...

Он вставал, шатаясь, и ходил от стены к стене. Брал книги

с полок и ронял на пол. Он дергал входную дверь – заперто, западня. Фальшивое окно дразнило искусственным «вечерним» светом. Он разбил лампочки, и «окно» превратилось в темную нишу в стене; он заснул под утро. Ровно в восемь проснулся, как от пинка, и сел в кровати.

Где-то здесь, в этом странном доме, в этой гостинице-тюрьме сидели три человека с такой же, как у него, судьбой. Вместе будет не так страшно, и, возможно, они справятся. И каждый вернется домой.

«ЛУЧ». ЛИЗА

– Дети тебя обожают.

– Я знаю.

– Ты самоуверенна, но для шестнадцати лет – отличный результат. Ты прирожденный педагог. Может, ты заметила, что я к тебе присматриваюсь...

Они бежали вместе, рядом, на широкой беговой дорожке, а перед ними на панорамном объемном экране менялся пейзаж: зеленые склоны под солнцем, с далекими фигурками пасущихся оленей.

– Ко мне все присматриваются, – вырвалось у Лизы. – После той истории, с петлей на шее.

– У каждого из нас есть история, это нормально. Кстати, ты ведь... ты видишь теперь смысл в твоей жизни?

– Я знала, что этих детей приписали ко мне в виде тера-

пии, – отозвалась Лиза после паузы.

– Не только. Послушай, я вижу в тебе человека, способного продолжать мое дело. У вашего поколения родятся дети, воспитать их – великая миссия. И великое бремя. Очень скоро это станет твоей миссией и твоим бременем. Ты должна будешь доделать то, что начала я.

Лиза почувствовала, как сбивается от бега дыхание. А Мария бежала легко и дышала ровно, и футболка у нее была сухая.

– Ты в отличной форме, – Лиза поймала себя на легкой зависти. – Через тридцать лет тебе исполнится семьдесят пять. Не вижу ни одной причины, почему бы здоровой пожилой женщине не нести свое бремя дальше.

– Есть причины, – сказала Мария.

От звука ее голоса Лизе стало холодно – хотя горячий пот бежал по лбу и вискам. В этих двух словах прозвучал отголосок страшных сказок, от которых дети зажимали уши, вот только Мария никогда не была сказочницей.

– Что такое цивилизация? – Мария уводила разговор в сторону. Она ошиблась, подумала Лиза, и сразу осознала ошибку. Теперь исправляет. Такие люди, как Мария, ошибаются редко.

– ...Цивилизация, – говорила на бегу Мария, – прежде всего система ценностей. Легко хранить огонь в огромном костре. А попробуй сохранить его в единственном угольке на ветру. «Луч» – тонкая щепка, несущая огонь сквозь хо-

лод, пустоту, темноту... Разве не достойная цель для жизни? Многие бы о таком мечтали...

– Ты не доживешь до Прибытия? Почему, откуда ты знаешь?!

– Глупости, – Мария замедлила бег. – При чем тут – «не доживешь»? Моя работа – обеспечить смену поколений. Под старость мне хотелось бы видеть учеников, которые в чем-то меня превзошли!

Она врала, и осознание этого оказалось таким болезненным, что Лиза не смогла продолжать разговор.

ДЕНИС

Он повернул ручку, и дверь, прежде запертая, открылась. Включилась и мигнула лампочка на стене коридора, и сразу за ней другая. Будто болотные огни, указывающие дорогу. Денис пошел за огнями. Часы говорят, сейчас утро, но кто проверит?

Коридор свернул, и Денис увидел окно. Окно! Он победил, прижался щекой к стеклу: не фальшивое! Окно в парк или сад. Качаются ветки на ветру, и встает солнце.

Он удержался от попытки сразу же расколотить окно и спрыгнуть со второго этажа. Конечно, стекло непробиваемое, все было бы слишком просто. Он пошел дальше, сбегал по лестнице вниз. Вышел в небольшой холл; перед ним разъехались половинки двери, и открылся обеденный зал с

барной стойкой и четырьмя ресторанными столиками.

За дальним столом сидел парень лет восемнадцати, в красных кедах и черных джинсах. Футболка без рукавов обнажала надутые мускулами руки в кельтских татуировках. Парень был мулат, черные курчавые волосы коротко стрижены, синяя татуировка на коже цвета кофе с молоком смотрелась живописно.

Денис остановился на пороге. Он ожидал увидеть кого угодно, но не такого вот крепыша. На лице парня было неменьшее удивление: он, в свою очередь, не ждал здесь Дениса.

– Hallo, – сказал Денис.

– Вечер в хату, – отозвался качок. – Ты по-русски не говоришь, что ли?

– Говорю.

– Ну слава богу, я уже думал, пиндоса подсунули... Я Славик. А ты?

– Денис.

– Жрать хочешь? Там, – он указал куда-то за барную стойку, – полно еды. Бери, грей в микроволновке, чайник, кофеварка, все сам.

– Как ты сюда... как ты здесь оказался, Славик?

– Да как и ты! – Славик подмигнул. – Интересно, что ты с виду ботан, еще и малолетка. За что тебя так?

Славик держался бодро и говорил весело. Мулат с родным русским языком: как говорится, да мало ли таких маль-

чиков! Веселой бесцеремонностью этот парень перемалывал трагедию в водевиль. Денис устыдился своей слабости и тоже улыбнулся:

– Ни за что.

– Да ладно, – Славик засмеялся. – Не хочешь – не говори... Лопай!

За стойкой обнаружили тостер, микроволновка, автоматическая кофеварка и промышленный холодильник, полный замороженных упаковок с едой. Денис повертел в руках «яичный рулет с курицей» и понял, что есть не хочет. Налил себе стакан кефира. Вернулся в зал, секунду поколебался и уселся напротив Славика.

– Нормально пожрать возьми, – сказал тот, оценив выбор Дениса. – Что ты как телка на диете?

– Так и будем тридцать дней есть размороженную еду?

– Поваров тут нет, хочешь, возьми да сам приготовь... если умеешь. Продукты есть, все под завязку забито. Хочешь сосисок? А то я пожадничал.

Он пододвинул к Денису тарелку, заваленную поджаренными колбасками, колоритно разукрашенную горчицей, хреном и майонезом. Денис помотал головой:

– Ты откуда, Славик?

– Из Магнитогорска... если хочешь спросить, почему я черный, так мой папаша бизнесмен из Кении, очень крутой чувак, а мать – победительница конкурса красоты «Мисс Южный Урал».

– Можешь рассказать, как ты сюда по...

Распахнулась входная дверь, и Денис запнулся.

Девушки. Одна лет семнадцати, спортивная, высокая, с лежащими на плечах длинными темными волосами. Другая на год-два старше Дениса, маленькая, хрупкая, коротко стриженная блондинка.

– Опа, – сказал Славик.

– Жопа, – моментально отозвалась брюнетка. – Вы кто такие? – Она разглядывала их не столь удивленно, сколь возмущенно, будто они без спросу уселись за ее стол. – Вы что, тоже в программе?!

– Тю, – Славик поднялся и расправил плечи, демонстрируя рельефную мускулатуру в сеточке кельтских узоров. Видно было, что этот прием он применял не в первый раз и был уверен в его неотразимости. – Девушки, заходите. Вы обе очень классные. Меня зовут Славик. Сварить вам кофе?

– Свари, – без удивления отозвалась брюнетка, и Славик уплыл за стойку. Полилась вода, зашипела кофеварка. Брюнетка тем временем взяла стул, под села за столик к Денису и оглядела его, как фейс-контролер на входе в ночной клуб:

– Сколько лет?

– Четырнадцать.

– Вундеркинд? Меня зовут Элли, а это, – она кивнула на блондинку, – Маргарита.

– Не похожи, – сказал Денис.

– На кого?!

– На Элли и Маргариту. Одна путешествует в Изумрудный город, другая летает на метле... Вам надо поменяться именами.

– Я вообще-то Марго, – тихо сказала блондинка. – Так проще.

– Тогда ты королева-интриганка. А выглядишь невинно. Марго бледно улыбнулась. Элли взглянула на Дениса внимательнее:

– А ты шутник, оказывается.

Вернулся Славик, поставил одну чашку кофе перед Элли, другую перед Марго:

– Сахар? Сливки? Бутер намазать?

– Так бы и сказал, что ты официант, – Элли высокомерно улыбнулась.

– Я вообще-то по профессии бармен, – Славик подсел к столу. – Если ты хочешь спросить, почему я черный, то мой отец – крутой кенийский бизнесмен...

– Мне все равно, черный ты или в клеточку. Как ты сюда попал?

– Как и ты! – Славик весело подмигнул. – На чем спалились, девочки? Травка, спайсы, соль?

Элли и Марго переглянулись.

– Еще один шутник, – сухо сказала Элли. – Ладно, хватит терять время: я Элли, по паспорту Елена, но друзья называют меня Элли. Я выиграла конкурс на участие в эксперименте «Луч». Меня предупредили, что кроме меня здесь будет еще

три участника. Это вы?

Денис подавился кефиром и закашлялся. Славик без просьбы хлопнул его по спине – бесполезно, еще и больно. Элли переводила прищуренный взгляд с одного на другого.

– Участники, – Славик тоже казался ошарашенным. – Со-
участники... В смысле... Какой, к чертям, «конкурс»?! Я в гробу видел этот «проект»! В белых тапках! У меня был выбор – либо я делаю, что они хотят, в их долбаной программе, либо сажусь в колонию на пять лет. Я думал, вы тоже так, у вас проблемы с законом, и вы согласились!

Несколько секунд все молчали. Денис тяжело дышал, проклятый кефир застрял в горле строительным раствором. Наконец Элли повернула к нему бледное лицо:

– А ты? Ты выиграл конкурс или тебя хотели посадить?

Денис знаком дал понять, что не может говорить. Славик прицелился еще раз хлопнуть его по спине, но Денис встал и отошел.

– Меня пригласил дядя Роберт, – сказал он сипло.

– По знакомству? – Элли посмотрела на него, как на позавчерашнюю упаковку из-под гамбургера.

– Ты правда не понимаешь?! – спросил Денис беспомощно. – Я что... один тут такой?!

Ему сделалось так обидно, будто за общим обедом ему принесли на фарфоровом блюде коровью лепешку. Он обернулся к Элли:

– Ты хотела в этот проект? По своей воле? Ты кто такая,

вообще, откуда?! Кто вы все такие?!

– Что ты заводишься на ровном месте, – примирительно сказал Славик. – Нормально все. Остынь.

Денис, пошатываясь, пошел к двери. Остановился – куда идти?! Сел прямо на пол и закрыл лицо руками. Элли, Марго и Славик смотрели на него с тревогой и легким презрением.

– Нормально все, – сказал Денис с истерическим смешком. – Нормально... Где мы сейчас, а? Где этот дом находится, в Магнитогорске?!

– Я так понимаю, где-то в Приморье, – предположила Элли. – Но вообще, это закрытая база, к информации, где она находится, мы не имеем допуска.

– А я скажу, что мы в Калифорнии, – Денис уже смеялся в голос. – Ребята, вы не представляете, в какое дерьмо вы вляпались. Не знаете, кто такой дядя Роберт, да? Ну, теперь узнаете!

Бледная Марго, до сих пор сидевшая у стола неподвижно, как шахматная фигура, взяла стакан воды со стола, подошла к Денису и опустилась с ним рядом:

– Выпей.

Он послушался. С надеждой посмотрел ей в глаза:

– Ты... понимаешь, о чем я, да? Как ты сюда попала?

Марго молчала несколько секунд, а когда заговорила, голос ее дрожал:

– Мой парень... заболел... лейкоз. Его взяли в экспериментальный курс... лечения... в Тель-Авиве. Очень дей-

ственный метод, единственная надежда. Потом на меня вышли... люди, в больнице, они сказали, что он в контрольной группе, получает... плацебо. Но... что если я поучаствую в программе «Луч»... он получит лекарство. Это очень хорошее лекарство, – она заговорила быстрее и громче. – Новое. Просто его надо подтверждать, доказывать, регистрировать, а времени нет. Но теперь он получит лечение. Его зовут Игорь, я бы показала фотку, но у меня отобрали мой телефон...

Она вдруг осознала, что говорит долго в полной тишине, и смущенно замолчала. Денис опустил голову и почувствовал себя одиноким, как на Марсе.

– Родные думают, что я в санатории на тридцать дней, – шепотом закончила Марго.

– Охренеть, – сказала Элли сквозь зубы. – Санаторий. А я-то из кожи вон лезла. Полгода сдавала экзамены, писала работы: психология, логика, математический анализ... Я думала, здесь делают науку... а здесь пацан из тюрьмы, девочка из санатория и маленький невротик непонятно откуда.

– Сан-Диего, – сказал Денис.

– Чего?

– Последний год я жил в Сан-Диего.

– Вообще не понял, – вмешался Славик. – Если это наши секретные разработки, при чем тут мелкий пиндосский шпион?!

– Сам ты шпион, – сказал Денис. – Идиот. Надо было са-

диться в тюрьму!

– Стоп, – повелительно сказала Элли, и Славик, уже поднявшийся было со стула, сел обратно. – Я сюда пришла за своей наградой, и я ее получу. Давайте разбираться дальше. Ты, – она обернулась к Славiku. – Назови свое задание.

Славик открыл было рот, но вдруг с подозрением уставился на Элли:

– А почему я должен тебе отвечать? Ты кто такая, Элли, по паспорту Елена? «Назови свое задание»! Может, еще рассказать, где штаб и где арсеналы?!

Элли закатила глаза к потолку:

– Черный Славик из Магнитогорска, ты же даже в армии не служил, наверняка. Какие, к монахам, «арсеналы»?! Я вижу, что организаторы меня нае... надули. Я просто хочу понять, надули только с партнерами или с заданием тоже?

Славик помолчал минуту. Элли невозмутимо пила кофе. Денис, покачнувшись, поднялся и подал руку Марго, помогая ей встать с пола.

– Задание простое, – нехотя сказал Славик. – Компьютерная игрушка. Типа, космонавты куда-то летят, и мы должны их загнать в параметры: цивилизация – не меньше семидесяти процентов, осмысленность – не меньше девяноста... Я когда-то давно играл в «Симсов», но бросил, девчоночья игра.

– В «Симсов»? – Элли посмотрела на него с сожалением. – Да, ну и компания...

– Ты расистка? – осведомился Славик с благожелатель-

ным интересом.

– Дурак... Я пытаюсь понять, по какому принципу нас отбирали. – Она обернулась. – Ты, Марго, играешь в видеоигры?

Блондинка помотала головой:

– Нет времени на ерунду, я серьезно занимаюсь танцами.

– Станцуй! – предложил Славик, но Элли так на него посмотрела, что он сразу заткнулся.

Несколько минут никто ничего не говорил.

– А... вот вы понимаете, как считаются эти параметры? – нерешительно заговорила Марго. – Цивилизованность, счастье, смысл жизни – в процентах...

– Вот и видно, что ты не играешь, – сказал Славик.

– Это программа, там все формализовано! – отрезала Элли.

– Нет, – тихо сказал Денис, и все посмотрели на него. – Это не программа, там, на корабле. Это люди.

«ЛУЧ». МАКСИМ

– Меня пугают ее истории, Мария.

– Их рассказывают, чтобы напугать. – Она опустилась рядом и положила обе ладони ему на голову. Он осторожно высвободился.

– Я не о том. Это вечно истории о смерти. Так надо?

– Необходимо. Они осваивают идею смерти в игровой

форме. К тому же эти сказки – элемент культуры. Чем больше историй, традиций, чем богаче фольклор на «Луче», тем лучше для всех, дружище.

Она обняла его за плечи.

– Ты перестал ходить на океан. Почему?

– Устал.

– Отдохни. Отгони тревоги, все хорошо. Как Анита?

– Живет со своим художником.

– Ну и прекрасно. Знаешь, если человек счастлив – это его заслуга. Попробуй-ка быть счастливым с нашим-то уровнем рефлексии... Помнишь, как мы ехали сквозь тучу и как болтали и шел тропический ливень?

Он засмеялся. Одно воспоминание, как неразменная монета, на всю жизнь.

– Максим... Давай вместе возьмем горнолыжный курс. Отгородимся от всех, отдохнем. Побудем вместе.

– Обязательно. Через пару недель. У меня лекции по истории экономики.

– Пусть Пауль тебя заменит.

Ее волосы пахли мокрой травой. Максим почему-то вспомнил, как целовался в первый раз, ему было тринадцать, а той девочке пятнадцать, прошел дождь, тяжелые капли висели на кустах, был июнь, и пахло травой. Прошло столько лет... стал ли он умнее? Счастливее – точно, он получил Марию, мало кому в жизни так везет.

В семь утра под потолком каюты запели птицы. Максим выбрался из-под одеяла. Странные мысли, которые начали посещать его несколько дней назад, никуда не делись: сейчас он подумал ни с того ни с сего, что те птицы давно околели. Рассыпались в прах. А их голоса звучат до сих пор.

Он сварил кофе и оставил в термосе для Марии. Сложил фигурку из бумажной салфетки, не то зверь, не то птица. Положил в чистую кружку: она проснется и будет смеяться. Если любишь кого-то, попробуй его рассмешить.

Принял душ и оделся. Мария спала: ее лицо было таким спокойным, таким светлым и мирным, что Максим простоял секунд тридцать, глупо улыбаясь, прежде чем вспомнил о времени. Она сказала: «Ты перестал ходить на океан...»

Улочки-коридоры были выложены гладким и шершавым, теплым и прохладным деревом, камнем, пластиком – для сенсорного разнообразия, для любителей ходить босиком. Максим выбрался из башни на склон, зашагал по ленте эскалатора, потом спрыгнул на тропинку. Обернулся, чтобы посмотреть на замок в матовом утреннем освещении. Чуть не споткнулся о робота-уборщика: тот елозил по обочине, собирая невидимые пылинки. Робот юркнул в нору: судя по черепаховому рисунку на корпусе, это был Кайзер. Максим вздохнул. Все эти годы ему очень не хватало зверья. Стро-

гий карантин, условия полета: на Новой Земле их встретит другая фауна. Белки, что скачут по деревьям в рекреационке, пеликаны, что висят над волнами океана, на самом деле объемные картинки. От скуки начнешь давать имена роботам-уборщикам...

Зато как обрадуются наши дети и внуки, когда наконец увидят настоящие волны и настоящий лес, настоящий рассвет, настоящее небо. Они будут смотреть в небо, а я посмотрю на их лица, когда...

Холодная волна по мышцам, поток мурашек по коже. Давящее ощущение в груди. Пение птиц, и запах мокрой травы. На секунду ему показалось, что это и есть Прибытие. Это поют настоящие птицы, не запись, не имитация.

Пол накренился и стал дыбом.

– Помогите! Луч... соедини меня...

Последним, что он увидел, была капля на склонившейся травинке-метелочке. А потом свет погас.

ДЕНИС

Они сидели за квадратным столом в «офисе» – большой комнате, обставленной как переговорная. На необъятном экране под потолком отображались три строчки по десять квадратов-дней: календарь эксперимента. Первый день был обведен красным и переливался, как дешевая реклама.

Славик сидел развалившись на стуле, Элли – подобррав-

шись, как кошка перед прыжком. Марго зябко обнимала себя за плечи. На столешнице из дымчатого стекла перед каждым лежал смартфон с большим экраном: 9–58. 9–59...

Над столом беззвучно возникла голограмма: космический корабль, похожий на хищную бабочку посреди темного космоса. Все четверо вздрогнули, а Марго еще и подпрыгнула на стуле.

– Здравствуйте, участники программы, – сказал знакомый голос. – Как вам уже известно, я Луч, искусственный интеллект, ваш ассистент. Первичная информация будет доступна в памяти ваших устройств после начала эксперимента, на языке, указанном в настройках вашего смартфона. До начала осталось пять... четыре... три... два... один...

У Дениса свело судорогой ногу. Он зашипел сквозь зубы, схватился за голень, стал разминать мышцу.

– Начали!

Славик, Марго и Элли одновременно потянулись к столу и схватили свои трубки. Денис опоздал, борясь с судорогой; ничего страшного. Это не спринт, а марафон. Триста шестьдесят пять дней на корабле «Луч» проходят за двадцать четыре часа, значит, за каждый час проходит пятнадцать дней... и еще две десятых, можно округлить. За каждую минуту проходит шесть часов на корабле. Вот и боль отступила, можно расслабиться.

Лицо Элли напротив, подсвеченное экраном, было отрешенно-сосредоточенным. Славик высунул кончик языка: по-

хоже, он нашел в интерфейсе игровую опцию и теперь управлял картинкой на экране, как геймер, развлекаясь. Марго читала – ее глаза метались туда-сюда. Денис подумал, что в каждом классе есть такая Марго: тихая, бледная, подсевшая на романы о сексе с вампирами.

Он наконец-то взял со стола свой телефон. Незнакомая система, но отличный, интуитивно понятный интерфейс. «Состав экипажа», «Текущий статус», «Основные технические данные». Много информации, не утонуть бы. Нельзя спешить, нельзя пороть горячку; это не спринт, это марафон.

Трубка чуть не выскользнула из влажной ладони. Надо же, как мешают нервы. В комнате было холодно, а может быть, он сам остыл, казалось, от его пальцев смартфон вот-вот покроется инеем...

Мигнуло табло на стене – календарь погас, вместо него появилась система чисел и графиков. «Текущие параметры: население – 502, счастье – 75 %, цивилизация – 90 %, осмысленность – 80 %.

– Чего-то они какие-то снулые, – Славик перевел взгляд с телефона на табло и обратно. – Устроили бы конкурс домашнего порно... А то еле ползают, как мухи...

– Не хватает десяти процентов, – пробормотала Марго. – Смысл должен быть девяносто. Восемьдесят – незачет.

– Слушайте, – оживился Славик, – у меня идея! Давайте сделаем так, чтобы на них напали инопланетяне...

Элли закатила глаза к потолку.

– Жукоглазые, – меланхолично отозвалась Марго, и Славик посмотрел на нее с сомнением. Марго не улыбалась.

– Я серьезно, – Славик упрямо помотал головой. – Это же круто! Внешняя угроза, с которой они будут бороться. Сперва наваляют в штаны, потом спасутся и всех победят. Это жизнь! Смысл у всей компании сразу встанет на двенадцать часов и будет стоять как палка...

– Славик, – с раздражением одернула его Элли.

– Навалять пришельцам – да это шикарная цель!

– Им надо не «навалять», а родить и воспитать двести детей...

– Победят жукоглазых – и пусть рожают. Да не по двое, а по пятеро как минимум, и учат их боевым искусствам, а то вдруг враги вернуться...

– Перестань молоть чепуху, – Элли уже с трудом сдерживалась. – Если мы доведем до цели двести молодых дикарей, нам не засчитают победу. Цивилизация...

– Цивилизацию двигают войны!

Численность населения на большом экране – и на мониторах их телефонов – изменилась: «501».

– Нежданчик, – пробормотал Славик, уставившись в телефон. – Кто-то помер? Ага, какой-то чувак. И что с ним случилось?

Уровень счастья – 73 %. 48 %. 33 %.

– Это чего такое? – снова заговорил Славик. – Типа, они огорчились?

«Население: 499».

Уровень счастья – 35 %. 28 %.

Славик захлопал глазами:

– Ребзя, да они мрут!

– Серийный убийца? – Элли быстро пролистывала что-то на экране. – Нет, причины смерти естественные... «Остановка сердца»... Неизвестно почему, без объяснений. Все из первого поколения. Пердимонюкль.

– Не ругайся при ребенке, – сказал Славик.

Денис водил пальцем по экрану, читая бортовой журнал. Простое, четкое описание событий, незнакомое имя, диагноз, обстоятельства смерти. Вот человек был здоров – вот упал и умер. И еще один. И еще. Первое в истории корабля использование капсулы-крематория... Потом второе, третье. Можно представить, что они там чувствуют.

– Блин, – он положил телефон на стол и подышал на заледеневшие ладони.

Несколько минут было тихо.

– Все из первого поколения, – пробормотала Элли. – Это хорошо... То есть не очень хорошо, но это не критично. Первое поколение пусть вымрет хоть полностью, они уже отработанные.

Денис только посмотрел на нее, ничего не сказал. Элли оскалилась:

– Привыкай, малыш, этот мир циничен. Или ты в «Doom» жалеешь убитых монстров?

– Это люди!

– Ой, все.

Он не стал больше с ней разговаривать. Нашел в памяти смартфона техническую документацию «Луча», адаптированную для понимания неспециалистом, но все равно очень подробную. Корабль был полностью автономным, о поддержании жизни экипажа заботился искусственный интеллект. На борту никаких животных, ни домашних, ни промышленных. Синтезированный белок. Оранжерея. Огромные пространства с искусственным климатом... Богато живут. Откуда столько энергии?! Ах, кварковый синтез... Нет, правда?!

Денис оторвался от экрана:

– Бумага есть у кого-то? И карандаш?

– На фига? – не понял Славик.

Денис привык делать подсчеты на бумаге остро отточенным карандашом. Единственный в классе – что в Энске, что в Сан-Диего. Если это офис, то должна быть и бумага. Он огляделся, встал, начал дергать ящики стеклянной тумбы; вот оно. Формат А-4. Это значит, что они точно не в Америке, не в Канаде и не в Мексике, там другой формат бумаги для офиса. Вот карандаши... целая коробка. Как будто Дениса тут ждали.

Он сел на свое место, положил перед собой телефон и начал выписывать данные с экрана на листок, в столбик. Пальцы подрагивали, скользили по гладкому боку карандаша, но внутри, в глубине Дениса, стало гораздо спокойнее и даже

теплее. Работа лечит.

Перепроверив цифры, он несколько секунд тупо смотрел на результат. Славик, Марго и Элли говорили одновременно, он не слышал – привык отключаться в самом шумном классе, в школьном коридоре, в столовой...

– Ребята, – это слово раздражало его, но он не знал, как по-другому обратиться к собеседникам. – Я не уверен...

Они замолчали – в его голосе было что-то, моментально завладевшее их вниманием. Денис прокашлялся:

– Такое впечатление... Система имеет встроенный ограничитель. Этот... корабль не рассчитан на число пассажиров большее, чем пять сотен одновременно. Чисто по ресурсам. Вот...

Он пододвинул к центру стола распечатанный цифрами листок. Элли взяла его с недоверием.

– Их было двести, потом родилось еще триста два, – сказал Денис. – Пятьсот два человека – максимально возможное число пассажиров. Для того чтобы рождались новые, старые должны умереть. Так задумано; те, кто планировал этот полет, знали, что первое поколение не доживет до Прибытия...

Элли присмотрелась к его каракулям. Перевела на Дениса насмешливый, вместе с тем внимательный взгляд.

– Вундеркинд, – сказала со странным выражением. – Хотя и невротик... «Те, кто планировал этот полет» – люди, программисты. Эти, на корабле, программки. Они отработали, их отключают, как лампочки.

И опять он не стал с ней спорить.

– Это усложняет нам задачу, – сказала Марго, не поднимая глаз от своего телефона. – Второе поколение останется... без взрослых.

Элли кивнула. Похоже, она выбрала для себя линию поведения – что бы ни случилось, держать лицо и делать вид, будто все предвидела заранее:

– Никто не обещал, что будет легко. Ситуация на корабле искусственно смоделирована, для чистоты эксперимента смена поколений должна происходить часто. Чтобы не было поддавков, когда дедушка за внука сдает экзамен...

Численность экипажа сменилась на «484» и сразу на «483». Уровень счастья опустился до 8 %.

– Ни хрена себе счастьеце, – пробормотал Славик. – Конечно, наши пупсы не радуются! То, что мы здесь видим, котаны, это не счастье, – это полное охренение, смотрите, сейчас вообще уйдет в ноль... Ни хрена себе начало! Почему нас никто не предупредил?!

– Потому что никто не обещал, что будут поддавки... – снова начала Элли, но Славик грохнул кулаком по столу:

– Да не поддавки! Это подстава! Это, блин, «чистота эксперимента»?! Дня через три у них перемрут все старшие, прикиньте, как у малых поедет крыша?! Да песец вообще, я на такое не подписывался! Они все передохнут, никуда не долетят, а мне в тюрьму?!

– Но это ведь у них растянуто во времени, – неуверенно

сказала Марго. – Они все-таки не мрут как мухи, у них проходит время...

– Наша минута – их шесть часов, – тихо напомнил Денис. – Два человека в сутки – это не как мухи?

«482», высветилось на экране.

Уровень счастья снизился до 5 %.

– Бля! Бля-бля-бля! – Славик вскочил и заметался по комнате. – Они скоро вешаться начнут, на радостях-то!

– Это не самое плохое, – Денис облизнул губы. – У них с осмысленностью... жопа, товарищи. Старшие уносят свой смысл в могилу... а младшие несознательные и портят нам статистику.

Показатель, иллюстрирующий осмысленность жизни на корабле, показывал хронике медленно падающего камня: 78. 75. 71. 69.

– Подобрали сопли, мужики, – Элли не собиралась упустить инициативу. – Мозговой штурм, быстро: как будем мотивировать наших пупсов?

«ЛУЧ». ЛИЗА

– Ты знала! – Лиза придержала дверь, не дав Марии захлопнуть ее перед носом. – Ты знала, что ваше поколение умрет!

Выталкивать Лизу из комнаты Мария сочла ниже своего достоинства. А может, предвидела поражение в этой схватке;

отошла в глубь комнаты – демонстративно спокойная:

– Извини, но это часть взросления. Помнишь свою сказку про люк, который нельзя открывать? Его все равно когда-нибудь открывают. И тогда меняется мир.

Лиза оскалилась. Если она заговорит сейчас – получится визг, унижительно издавать такие звуки. Унижительно признаваться, что не владеешь собой.

– Я на тебя рассчитываю, – сказала Мария. – Когда-нибудь к тебе придет вот такая же девочка или мальчик и предъявит тебе обвинение: «Ты знала». Да, люди знают, что умрут, но они в это не верят, это свойство нормальной психики... Ты переживешь свой открытый люк, поймешь меня и окажешься на моем месте.

– Что их всех убивает?!

– Время. Они... мы... стары.

– Отцу не было и пятидесяти! На Земле люди в таком возрасте только становятся зрелыми!

– Мы не на Земле, – отрезала Мария. И сразу же добавила мягче: – Мы предполагали... что в полете наша жизнь может оказаться короче. Не знали насколько. Понимаешь, мы первые на этом пути. Раньше никто из людей не летел двадцать лет на околосветовой скорости. Не подвергался воздействию столько... факторов. Нам предстоит еще много открытий... вам тоже. Не все окажутся приятными.

– То есть мы тоже умрем молодыми? И никто из нас не доживет до Прибытия?!

Мария шагнула к Лизе, положила мягкие ладони на плечи – этот ее жест всегда мог успокоить самого нервного подростка:

– Мы не знаем. Возможно, вы проживете дольше нас и увидите новый мир...

Лиза стряхнула ее руки.

– Послушай, – сказала Мария после паузы. – Твой отец был для меня... кем-то очень важным. Мы любили друг друга. Он был... ты пока не можешь меня понять, но, когда в зрелости кого-то вот так подпускаешь к себе... он был для меня – океан, не тот, что в рекреационной зоне. Настоящий. Я говорю с тобой так честно, как и с собой не всегда разговариваю. Мы с Максимом знали, что смерть придет, поколения сменятся... надеялись, это будет позже. Но получилось вот так...

– «Получилось»?!

– Ты ведешь себя как ребенок. А на «Луче» мы не можем позволить себе долгое детство. Пойми: важна не длинная жизнь, а наполненная и осмысленная. Мы несем цивилизацию...

Лиза отступила, ощерившись:

– Ваша цивилизация – дерьмо.

– Тебе же будет стыдно за твои слова.

– Мой отец хотел увидеть Прибытие! Он в это верил! Ах, ты забыла сказать ему, что он умрет, не дожив до пятидесяти? А остальные кванты, они знали? Или им тоже забыли

сказать перед вылетом?! Твари, манипуляторы, вы называете это «цивилизацией»?!

– Ты не можешь так говорить! – Мария впервые повысила голос.

– Еще как могу! Я-то слушала развесив уши – мы первооткрыватели, мы ученые... Мы – стадо подопытных животных! Вы с самого рождения врали нам! Ты – врала! Так вот, я тебе клянусь, Мария, – «Луч» не долетит до цели. Когда вы все сдохнете...

– Закрой рот!

– А, ты тоже не железная?! Да, ори! Плачь! Не будет дела твоей жизни, я позабочусь, чтобы оно околело! А ты живи с этим, сколько тебе там осталось!

И она рванулась к выходу. На самом пороге ее догнал беспомощный звук, так не похожий на обычный голос Марии:

– Девочка, но...

Лиза вышла, и дверь захлопнулась за ее спиной.

ДЕНИС

– Луч...

Голограмма возникла над столом, как привидение. Денис прокашлялся.

– Объясни нам, как... это делать, вообще. Технически.

– Объясняю, – доброжелательно сказала машина. – Для того чтобы воздействовать на пассажиров «Луча», вы долж-

ны сформулировать задачу и выбрать способ решения. Например, задача «Увеличить потребление витамина С всеми несовершеннолетними» решается автоматически: искусственный интеллект добавляет в рацион соответствующие продукты. Задача «Сообщить пассажиру А, что его жена изменяет ему с пассажиром Б» требует творческого подхода: экспериментатору следует продумать, когда, как и на каком носителе пассажир А получит информацию. Если это текстовое сообщение, экспериментатору следует написать текст, искусственный интеллект поместит его на терминал пассажира, либо в социальную сеть корабля, либо на стенную панель в стиле «ретро», написанный от руки. В момент воздействия время в офисе и на корабле синхронизируется, окно синхронного времени может занимать от секунды до десяти минут. Вам понятно или продолжить объяснения?

– Продолжить, – сказал Славик, и одновременно Денис выкрикнул:

– Понятно!

– Что тебе понятно?! – рявкнул Славик. – Мне лично ни хрена соленого не понятно, не лезь, выскочка, посиди уже спокойно...

– Послушайте меня, – сказал Денис умоляюще. – Я знаю, что надо сделать. Я знаю как. Честное слово, я знаю.

«ЛУЧ». ЛИЗА

В комнате отца пахло его кожей, одеколоном, старым кофе. Лиза потопталась на пороге, вошла. Опустилась на колени перед кроватью и положила голову на подушку.

– Папа, я не понимаю. Где ты? Это ненормально. Я не верю. Они сожгли твое тело, запаяли пепел в ампулу... Но я не понимаю. Я не могу открыть этот люк у меня в голове. Где ты? Поддай знак. Не прячься. Где ты?!

– Лиза...

Она рывком обернулась. Экран напротив кровати светился, Максим смотрел на нее, сцепив пальцы. Он так делал, когда нервничал.

– Папа, где ты?!

– Все хорошо. Я на Земле. Все мы, из первого поколения, кто был на «Луче», сделали свою работу и вернулись на Землю. Мы поедем путешествовать... Тут огромный океан! И настоящее солнце!

– Но ты не умер?!

– На «Луче» я умер. Зато теперь я на Земле, здесь хорошо. Не бойся за меня. Не грусти. Когда ты сделаешь свою работу и умрешь на «Луче», ты будешь с нами, мы вместе поедем в кругосветное плавание. Ты, я, мама, все друзья...

– Но тогда можно – я умру прямо сейчас?!

Лицо Максима на экране застыло.

– Лиза, – сказал он шепотом. – На Землю попадает только тот, кто сделал свою работу. Кто убьет себя раньше времени – никогда, никогда не увидит Землю. Он умрет навсегда. Он будет кружиться мерзлой дрянью на забытой орбите. Прошу тебя, помни об этом и всем Расскажи!

Лиза приложила ладонь к экрану. Уткнулась лбом в лицо отца по ту сторону связи.

– Ты справишься! – сказал Максим. – Мы еще встретимся! Люблю тебя, доченька. Я хотел бы всегда...

Экран мигнул и погас.

ДЕНИС

Он рухнул в кресло, чувствуя, что и футболка, и штаны промокли от холодного пота. В углу комнаты стоп-кадром висела голограмма: девушка уткнулась лицом в большой экран, седой мужчина с экрана тянется к ней, будто сквозь стекло...

Голограмма исчезла. Славик пучил глаза на то место, где она только что была:

– Вот так вот? Это – воздействие? Живое кино, четыре-дэ. Охреть. Что это мы видели?

Остальные долго молчали.

– Ничего себе девочку торкнуло, – наконец пробормотала Марго.

– Я попрошу, – сухо заговорила Элли, – помнить, что это

симуляция. Девочки нет, никого не «торкнуло», выполняется программа, вот и все. А мы смотрим киношку – четыре-дэ, как Славик сказал...

– Кто-то смотрит, – все так же, под нос, пробормотала Марго. – А кто-то в ней играет...

Она посмотрела на Дениса, тот отвернулся. Дотянулся до бутылки с водой, свернул крышку, будто голову, и вылил в глотку сразу целый стакан. Слова «Люблю тебя, доченька» колом стояли у него в горле. Это он написал текст для «призрака» на экране. Это он озвучил роль мертвого мужчины по имени Максим. Теперь его тошнило этим текстом.

– Денис! – Элли встала, подошла к нему, скрестила руки на груди, как экзаменатор. – Ты меня слышишь? Прекрати играть с ними в «дочки-матери»! Им нахрен не сдалась твоя эмпатия, ты большой мальчик!

– Смотри! Смотри-смотри! – Славик обернулся к экрану. – Оживились, пупсы!

Красный график, иллюстрировавший «счастье», сдвинулся с нулевой отметки и медленно пополз вверх.

– Сработало! – Славик подпрыгнул с грацией слоненка, так что пол содрогнулся. – А что у них случилось-то?

– Девочка увидела призрак отца, – снисходительно пояснила Элли, – пошла к другим детям и подросткам, а у нее большой авторитет... И рассказала, что оплакивать родителей не надо и смерти бояться не надо, потому что в будущем у них новая встреча, Земля, кругосветка... И у тех появился

смысл жизни: поскорее выполнить свое задание и свалить на каникулы.

– Елки-палки, – прочувствованно сказал Славик. – Кто бы мне такое предложил, я бы не отказался... – Он с новым интересом поглядел на Дениса. – А ты молодец, оказывается... пацан!

Он хлопнул Дениса по спине так, что у того зазвенели все внутренности.

– Не делай так больше, – пробормотал Денис.

– Ладно-ладно, тебе надо подкачаться, а то кожа да кости. Пойдем вечером в качалку, за тридцать дней как раз получишь курс молодого бойца, у меня ведь вторая специальность – тренер...

Уровень счастья на экране дополз до сорока процентов. Осмысленность, болтавшаяся в районе шестидесяти, тоже начала расти: малолетки поняли, зачем они здесь. Адский эмоциональный шантаж, подумал Денис.

– Ничего так, – Марго не отрывала взгляда от своего телефона. – При всем при этом они продолжают умирать... Осталось четыреста семьдесят три человека на борту.

– Мрут и смеются, – Славик подмигнул Денису. – Но ты прикольный такой, на серьезных щах, «Девка, я твой папашка!».

Денис встал, перевел дыхание и изо всей силы саданул его кулаком в челюсть. Попал удачно, Славик от неожиданности чуть не упал. Силы удара не хватило, чтобы его завалить, но,

чтобы взбесить, оказалось достаточно. Славик заревел и дал сдачи, раз и другой, и...

* * *

– У тебя в голове мозги – или дерьмо, а, Славик?!

– Да я-то тут при чем! Вы же сами все видели!

– Вы в разных весовых категориях, ты ему челюсть сломал!

– Не сломал, – хрипло сказал Денис. – Фигня.

Кровь лилась на пол и на рубашку. Марлевый пакет, найденный в аптечке, почти сразу пропитался насквозь. Денис, придерживая его у носа одной рукой, вывалил содержимое аптечки на стол: спирт, нашатырь, жгут, болеутоляющее, еще какие-то тубики и таблетки.

Он чувствовал себя несравнимо лучше. И эта боль, и распухающие губы, и кровь из носа, искры из глаз – великолепно. Вкус крови вымыл из его рта воспоминание о фальшивых словах, сказанных девчонке от имени ее мертвого отца.

Кровь текла, не собираясь останавливаться.

– Ненормальный, – бормотал Славик, потирая костяшки. – Ненормальный психопат! Ты бы еще под грузовик кинулся! Ну какого хрена, а?! Он меня в табло, а я еще виноват!

Марго распаковала новый ватно-марлевый пакет. Элли принесла льда из морозильной камеры. Денис лег на пол и положил ледяные кубики, завернутые в салфетку, на лицо.

– Давай расставим точки над «ы», Денис, – сказала Элли негромко. – Ты правда веришь, что они живые?

– Заткнись, пожалуйста, – сказал Денис лежа. – Будет только хуже.

– Можешь верить, пожалуйста. Я в детстве верила в Деда Мороза. Это помогало мне жить. Хочешь верить, что это люди... которые находятся непонятно где, в волшебной стране, в другом мире, в альтернативной реальности... Верь, и нечего стесняться. Посмотри, как ты роскошно все придумал! Чтобы примирить человека с идеей смерти, надо дать ему надежду на посмертное счастье... Пацан, это почти гениально! В нашем техническом описании отдельно прописано: «По условиям программы, никто из первого поколения не религиозен, они атеисты или агностики». Это случайно? Нет! Это зацепка для нас, ключ! Ты решил задачу, сынок!

– Я не знал, что это будет так! – Денис закашлялся, вверх взлетели капли крови и вернулись обратно, на лицо и рубашку. – Я не представлял, что она так... поверит! Она вела себя как человек и реагировала как человек!

– Человек, человек, – терпеливо повторила Элли. – Хорошо.

– Что хорошего?! Что мы манипулируем живыми людьми?!

Красные кеды Славика остановились рядом с лицом Дениса. Высоко над собой Денис увидел его лицо: Славик был угнетен и встревожен. Присел на корточки, сглотнул, дернув

шей:

– Слушай, ну допустим. Даже если люди. Но по итогу – им же лучше, они вышли из депры, о чем вообще базар?!

– Вот-вот, – Элли кивнула. – Послушай умного человека. Славик улыбнулся, не прочитав издевки в ее голосе.

– Люди – это мы, – меланхолично сказала Марго. – И нам всем чего-то нужно.

Она подошла, села рядом, помогла Денису поудобнее приложить тающий лед.

– Ты мне напомнил, – сказала с грустной улыбкой. – Однажды Игорь за меня подрался. Его избили. Те убежали... Я вызвала «Скорую» и вот так же сидела рядом... Принести еще льда?

– Спасибо, – сказал Денис. – Вроде... фонтан заткнулся.

Он пошарил руками и сел на полу. Отнял от носа тающий лед; пальцы окоченели.

– А насчет твоего Игоря... его вылечат. Даже не сомневайся.

Марго благодарно улыбнулась.

– Кто-нибудь видел здесь пиво? – озабоченно спросил Славик. – Я, после такого первого дня, не прочь немного расслабиться, а вы?

* * *

– Чур, я окучиваю Элли, она для тебя все равно слишком

старая. А ты можешь попробовать Марго. Она тоже прикольная.

– У Марго есть парень.

– Мало ли. Телочки бывают такие внезапные, такие непредсказуемые...

Они валялись в шезлонгах у края большого бассейна. Славик держался с подчеркнутым дружелюбием. Денис то и дело касался языком зубов, будто проверяя, на месте ли они. Губы распухли, но на душе сделалось неизмеримо легче.

Элли и Марго, обе в открытых купальниках, нежились в джакузи, то погружаясь по шею в горячую воду, то с визгом выпрыгивая. Круглая чаша казалась адским котлом, но вряд ли у грешниц такие довольные лица.

– Господи, как хорошо-то, – Славик поглядел в небо. – И тепло... Нет, точно не Подмосковьё. Слышишь запах? Туи, кипарисы... Это, скорее, где-то в районе Сочи, ты там бывал?

Денис кивнул. Разговаривать не хотелось.

– Территория тут суперская, большая, я всю не обошел. Кусты, дорожки. И никого нет, прикинь. Ни дворника, ни сторожа. Все автоматическое. До чего дошел прогресс!

– Ворота видел? – равнодушно спросил Денис. – Калитку? Гараж с машинами? Систему охраны?

Славик помотал головой:

– Если ты насчет сбежать, то мне оно не надо. Мне нужна правильная амнистия.

– А что у тебя за статья?

– Я хакер, – Славик выпятил мускулистую грудь, украшенную драконом в кельтском стиле.

Денис промолчал. Пусть Славик воровал из супермаркета или перебивал номера на краденых тачках, но «хакер» – это красиво. Пусть будет хакер.

– А ты хотел бы сбежать? – Славик прищурил правый глаз. У него были глаза цвета пакетного чая, маленькие, но цепкие. – Притом что все получается и приз у нас в кармане?

Денис опустил веки:

– Если ты увидишь, где здесь выход, просто скажи мне. Хочу взглянуть.

– Интересно, – Славик закинул руки за голову. – Я работаю за амнистию, Элли – за учебный грант в каком-то охрнительном университете... Марго надеется вылечить своего парня. А ты? Что у тебя за приз?

Денис не ответил.

– Ну ладно, – Славик усмехнулся. – Молчи, молчи. Все равно ведь не выдержишь и расколешься.

Элли и Марго выбрались из джакузи в бассейн. Элли нырнула и красиво поплыла над самым дном, в толще воды.

– Плывет, как змея, – сказал Денис.

– Как русалка! – возмутился Славик. – Брутальные дети пошли... Она тебе даст – «змея»!

Элли, за ней Марго выбрались из воды. Элли одним движением головы закинула волосы назад, как в рекламе. На Де-

ниса и Славика полетели брызги.

– Еще! – Славик заржал, как конь.

– Что сидим, пенсионеры, плавать не умеем?

– Дай мне толчок! – Славик вскочил. – Дай мне мотивацию! Дай мне смысл туда прыгать, русалка!

Элли небрежно толкнула ладонями его шоколадные голые плечи, Славик комически замахал руками, балансируя на краю бассейна, плюхнулся, подняв тучу брызг, и поплыл, демонстрируя размашистый полудикий кроль.

* * *

Алкоголя в буфете не нашлось. Довольствовались минеральной водой, ели на ужин разогретые овощи и разогретое жаркое, Денису трудно было жевать, он нашел упаковку с супом-пюре. Работал транспортер, по нажатию кнопки уносивший мусор и использованную одноразовую посуду.

– Нездоровое питание, – задумчиво сказала Элли. – Полуфабрикаты.

– Возьмите вместе с Марго и приготовьте нам пожрать, – разрешил Славик.

Элли остро на него посмотрела:

– Эксплуатируем женщин? У тебя такие же руки, возьми да приготовь.

– Там в офисе робот-полотер, – сказала Марго. – Я заглянула вечером, испугалась. Он такой... будто живой. Ползает.

– У меня кот на таком катался, – сказала Элли. Перевела взгляд на Дениса: – Ты как?

– Лучше всех.

Славик одобрительно засопел.

– Я тут подумала, – сказала Марго. – А если кому-то из нас станет действительно плохо? Шею себе сломает... Неужели мы не сможем вызвать «Скорую»?!

– По условиям – не сможем, – отозвалась Элли. – Только через тридцать дней. Двадцать девять. Постарайся не сломать шею.

Они помолчали.

– Марго, а зачем ты ходила вечером в офис? – спросил Денис. – Воздействие, по условиям, раз в сутки. Вся инфа у тебя в телефоне.

– Ага, – Марго кивнула. – Просто хотела... посмотреть на этот «Луч». На корабль. Там, если сядешь за стол, она включается. Голограмма.

– И что?

– Красиво... Можно представить, что все это на самом деле. Космос. Когда-то же люди все равно полетят, оставят свои войны... соберутся... и полетят.

Славик плеснул себе еще пива.

– С почином, – он поднял свой стакан. – Пьем за удачное начало!

Молча чокнулись и выпили. Элли через стол смотрела на Дениса.

– Может, скажешь правду?

– В смысле?

– Видишь ли, мы рассказали о себе. Я, Славик, Марго. А

ты нет.

– Это проблема?

– Ты что, не понимаешь?

Денис вздохнул. Потрогал языком зубы.

– Меня похитили. Выкрали из семьи.

– Что?!

– И обещали отпустить, если я... если мы справимся.

Элли больше не улыбалась. Марго испуганно сдвинула брови. В ее глазах нарастало напряжение.

– Признайтесь, – сказал Денис умоляюще. – Вы ведь тоже что-то скрываете? К вам приходил человек, назывался дядей Робертом... или как-то по-другому? И выкрал вас из дома, в смысле вот вы были дома – и сразу все вверх тормашками, обломки, апокалипсис...

– Брехло, – Славик отхлебнул из своего стакана. – И главное, опять на серьезных щах.

Элли мигнула. Тряхнула головой, по-другому посмотрела на Дениса, захохотала:

– Ой, блин. А я чуть не купилась!

– Ну не верьте, – сказал Денис, глядя в стакан с остывающим супом. – Не верьте. Спросите друг у друга, кто организатор нашей программы. Кто ее финансирует. Откуда у него ресурсы. Что за организация может официально отмазать од-

ного человека от российской колонии, дать другому грант на обучение в Пекинском университете, а ради третьего нарушить протокол эксперимента в государственной больнице в Тель-Авиве. А когда поймете, расскажете мне.

Остаток супа он доедал в гробовом молчании.

* * *

Он решил во что бы то ни стало не возвращаться в комнату с фальшивым окном. Посмотрим, как дядя Роберт сумеет водворить его на место. Тем более что в новом смартфоне был фонарик, не слишком яркий, но лучше, чем ничего.

Внешняя дверь, ведущая во двор, после ужина оставалась незапертой. Денис пошел вокруг дома, внимательно, шаг за шагом, осматривая заросли кустов и садовые дорожки, прислушиваясь, принюхиваясь. Запах бензина, выхлопных газов, может быть, табачный дым? Звук работающего двигателя? Далекая трасса? Сирена? Шум воды?

Пахло травой, южными деревьями, влажной землей. Слышно было, как ветер шелестит в кустарнике. Что там, за кустами: забор? Ограждение?

Денис посветил фонариком. Ни намек на колючую проволоку, но и кусты отлично справляются: отталкивают, почти не оставляя царапин, не рая, но и не пуская в заросли. Если бы у Дениса было мачете, можно было бы прорубиться сквозь эту «мягкую силу». Но кухонный нож не поможет.

Он сделал круг и вернулся к бассейну. Под водой горели синеватые лампочки, на поверхности покачивался одинокий листок, будто в пруду. Денис силой запретил себе вспоминать родителей и дом, тот мелкий пруд, вокруг которого они с отцом гоняли на велосипедах... Нет, стоп. Он хотел осмотреть территорию, он ее осмотрел. Дядя Роберт не из тех, кто оставляет лазейки. Денис просто поставил галочку напротив дела, которое нельзя оставлять за спиной. Невозможно сбегать – «галочка»...

– Эй, тень отца Гамлета! Ты здесь?!

Он выдохнул сквозь зубы. Обернулся, укоризненно посмотрел на Элли.

– Прости, не хотела так орать, – она плюхнулась на пляжный стул.

– Больше не называй меня так.

– Как? «Тень отца Гамлета»? Ладно, не буду, извини...

Денис подумал, что семь из десяти девчонок из школьного класса продолжали бы дразнить его «тенью» и радоваться, что нащупали слабинку. Либо Элли добра и благородна, либо ей что-то от него надо.

– Я тут подумала, – сказала Элли. – Ты прав, все это очень странно выглядит, организаторы должны быть нереально круты... А что, если это международный проект? Вот прямо вообще – общий для всех землян. Есть фактор, которого мы не знаем. Например, спецслужбы разных стран давно работают вместе против внешней угрозы.

– Злые, агрессивные инопланетяне? Жуки-червяки?

– Мы не знаем, – Элли не улыбнулась. – Я общалась с толпой народу, моими конкурентами, каждый из них был – звезда. Нет, реально, очень умные ребята. Мы писали тесты, потом часть людей отсеивалась, мы снова писали тесты... Это не имитация и не игра. Такое впечатление, что организаторам действительно было важно решить эту задачу, что они ждут от эксперимента ценнейшей информации...

– Например, какой?

Элли перевела дыхание:

– Например... Если корабль был действительно отправлен двадцать лет назад, в нашей реальности, но – тайно?! Если люди на корабле столкнулись с проблемами, и мы – мы! – работая с компьютерной симуляцией, помогаем их решить?!

– Если корабль летит с околосветовой скоростью, их время замедленно в сравнении с нашим. А не наоборот.

– А если его только готовят к запуску? Если мы отработаем протоколы для будущей экспедиции?

Денис хотел задумчиво потереть нос, но, едва коснувшись, отдернул руку и поморщился от боли:

– Вот что надо понять... Кто – «мы»? Чем мы так ценны? Кроме тебя, конечно, которую отобрали из кучи звезд. Марго – ординарная девочка с большим сердцем, Славик больше похож на клоуна...

– Я не знаю, чем они ценны. И ты не знаешь. Но организаторы *моего* проекта – ученые мирового уровня, русские и

китайцы. Они не клоуны, уж поверь. Все имеет смысл. Представь: что, если в проекте участвуют четыре стороны и каждая выбирает участника по своим критериям? Вот ты, например... Ты же явно не простой мальчик. Ну признайся. Эти твои расчеты на листочке бумаги...

– Я простой мальчик, но да, я хорош в кое-каких предметах.

– Математика?

– В том числе.

– Почему ты сразу не сказал? Почему начал лепить насчет какого-то дяди...

– Элли, – сказал Денис. – Ты родилась в срок?

– Чего?!

– Ты родилась полностью доношенной или нет?

Элли мигнула. Взялась за темную прядь волос, сильно дернула, Денис даже вздрогнул.

– Я родилась раньше срока. Меня еле откачали... При чем тут... что? Что случилось?!

Денис выловил из кармана смартфон. Открыл дополнительный список контактов:

– Славик? Спишь? Не спи. Все нормально. Ты родился в срок или недоношенный? Не ори! Я серьезно спрашиваю! Да, мне надо знать, я не издеваюсь, не ори! В срок?!

Элли слушала, грызя костяшку указательного пальца. Экран телефона погас.

– Не сходится, – сказал Денис. – Этот нормальный. Эх,

развалилась такая гипотеза...

– Может, расскажешь? Насчет дяди?

На поверхности бассейна по-прежнему плавал одинокий листок.

– Если ты готова слушать.

* * *

Он рассказал свою историю впервые с того момента, как в его спальне однажды стихли все звуки и в кресле у стола обнаружился дядя Роберт. Он сам не понимал, насколько важно для него рассказать, шаг за шагом, сформулировать. Выговориться. После того как он замолчал, Элли долго не подавала голоса. Время было далеко за полночь.

– Ты уверен, что тебе не ставили никаких неврологических, психиатрических диагнозов? У тебя не было галлюцинаций, провалов в памяти, навязчивых идей?

– Нет. Я здоров.

– Охренеть, – сказала Элли и обхватила плечи руками. С каждой секундой ей становилось холоднее. Денис впервые видел, чтобы человек вот так коченел за несколько минут, хотя ночь была теплая, совершенно летняя.

Он снял джинсовую куртку и накинул ей на плечи:

– Ты сюда приехала с чемоданом? Со своими вещами?

– Д-да. Она заикалась. – Их, правда, обыскали и рассовали по пакетам, условие эк... эксперимента...

– А меня привезли без сознания... – он хотел сказать «в памперсе», но прикусил язык. – Все вещи новые, с этикетками. Ничего своего. Никаких документов... Теперь ты понимаешь, почему я готов поверить, что наши пупсы – не программа, а...

Он всмотрелся в ее лицо и осекся:

– А, ладно, это не важно. Не переживай. Тебя вся эта муть... наверное... не касается.

– Я узнала о к-конкурсе от своего препода по китайскому. Написала заявку. Ее рассмотрели. Тесты проходили на базе МГУ. Там не было мистических д-дядюшек. Там никто никому не угрожал.

– Не волнуйся. В самом страшном случае – ну не получишь своего гранта.

– Песец, – сказала Элли. – Я уже не хочу гранта, я тупо хочу домой.

– Фигня. Ты же боец. Как это ты не хочешь гранта? Все будет нормально.

Он сел рядом и обнял ее за плечи, пытаюсь согреть.

– А ты девственник, – обморочным голосом сказала Элли.

– Почему ты так решила?!

– Видно же, – она всхлипнула и поцеловала его в губы. На секунду Денис забыл обо всем: о дяде Роберте, программе «Луч», о том, что Элли старше его на три года...

А потом стало очень больно. Губы, разбитые, будто лопнули изнутри, будто их облили керосином и подожгли. Он

напрягся, Элли почувствовала это, отстранилась – и засмеялась, глядя на него.

– Ты вампир. У тебя подбородок в крови. На.

Она протянула ему бумажную салфетку, но при этом улыбалась так, что Денис не обиделся.

«ЛУЧ». МАРИЯ

День Старта был главным праздником на «Луче», день цветных мигающих огней, фонтанов, музыки, праздничных застолий. В начале вечера они собирались в общем зале, амфитеатре, и вместе отсчитывали еще один год пути. Когда начали взрослеть дети, главным событием Дня Старта сделалось поздравление новых совершеннолетних: бывшие *лучики*, ставшие *квантами* в этот год, поднимались на сцену. Церемония проходила трогательно и смешно. Так было раньше.

В этот раз впервые в День Старта они вспомнили тех, кто не дожил. Пятьдесят два человека – только перечисление имен заняло минуту.

Потом долго никто ничего не говорил. Мария набрала воздуха, чтобы прервать гнетущую тишину, но тут на подиум – сцену перед залом – взлетела Лиза Репина, дочь Максима.

– Ровесники! – Она не готовилась, каждое слово было искренним и рождалось прямо здесь, на сцене. – Теперь наша очередь! Поднимайтесь ко мне, давайте расскажем на-

шим взрослым, что будет дальше и почему ничего не закончилось!

Ее слов будто бы только и ждали. Новые совершеннолетние, тридцать два человека, поднялись на сцену – как это делали в прежние годы их старшие братья и сестры.

– Сегодня День Старта, сегодня праздник, – продолжала Лиза сильным, звенящим голосом. – Давайте смеяться! Давайте танцевать, как обычно! Никто не умер, все просто ушли в другое место и ждут нас там! Кто, кто еще не верит мне, что родители ждут нас на Земле?! Кто мне не верит?

И она с вызовом обвела взглядом зал, моментально переходя от эйфории к ярости, готовая, кажется, растерзать любого, кто усомнится.

– Я не могу ее удержать, – шепотом сказала Анита на ухо Марии. – Она неуправляема.

– Что же вы не поздравляете нас, взрослые?! – Лиза смотрела теперь со сцены прямо Марии в глаза.

Луч без запроса включил музыку – «Марш космической трассы», неофициальный гимн экипажа.

– Поздравляем, лучики, – Мария чуть повысила голос, и Луч усилил его, запустив в динамики. – С этого дня вы – взрослые кванты, а значит, можете пить коктейль в баре, а самые смелые – водку!

В зале облегченно засмеялись. На секунду показалось, что все вернулось, что все по-прежнему, что этот День Старта ничем не отличается от прочих.

Лиза схватила за руки стоящих рядом парней, сжала их ладони так сильно, что те удивленно вздрогнули. Подняла руки вверх, шагнула к краю сцены, и грянули аплодисменты во всем зале:

– Поздравляем! Кванты! С днем рождения!

– С Днем Старта! Счастья в новом году!

– Ли-за! Ли-за!

Мария смотрела, слегка сдвинув брови. Не хотела выказывать на публике ни раздражения, ни беспокойства.

ДЕНИС

Когда снаружи стало прохладно, он все-таки вернулся в свою комнату. Упал в постель, но заснуть не мог, взял книгу наугад, включил лампу у изголовья и опять же наугад стал читать:

«Смысл должен быть найден, но не может быть создан. Создать можно либо субъективный смысл, простое ощущение смысла либо бессмыслицу. Тем самым понятно и то, что человек, который уже не в состоянии найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убегая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл...»

Удивительным образом книга успокоила его, и, засыпая, он не вполне благодарно уронил ее на пол. Он видел яркий,

цветной и объемный сон: долину потрясающей красоты, но далеко внизу. Во сне, стоя на краю скалы, он отступил – боялся высоты. От этого страха он проснулся внутри сна в маленькой грязной комнатенке и вспомнил, что уж чего-чего, а высоты он никогда не боялся вовсе. Он хотел уснуть снова и вернуться в прекрасную долину, но тут заорал будильник, которого Денис не ставил. Он проснулся окончательно: половина десятого.

Болела голова так сильно, что Денис дополз до аптечки в ванной и нашел растворимый анальгетик. В буфетной ничего не было, валялись на столе остатки завтрака – картонные и пластиковые коробки, стаканы, салфетки. Денис развел в воде порошок, надорванный пакетик оставил на транспорте. Широкая серая лента пришла в движение, пакетик поплыл по ней, как крохотный джет по пустынному взлетному полю, и скрылся за прорезиненной бахромой. Денис проводил его взглядом.

Пойло пузырилось в стакане, одним видом отбивая всякую охоту его пробовать. Денис закрыл глаза, задержал дыхание и выпил до дна. Механически ополоснул стакан под краном.

Он оттягивал встречу с Элли и злился на себя за это. Что между ними произошло? Ничего и не могло произойти, спасибо товарищу Славику за нашу разбитую рожу. Доверие? Взаимное притяжение? Вряд ли, просто Денис вчера разболтался. Конечно, рано или поздно они заставили бы его все

рассказать, не та ситуация, чтобы играть партизана. Но жаль, что вчера он излил на Элли не просто информацию, а настоявшийся загустелый страх. Лучше бы голышом сплясал, честное слово.

Как она смотрела... жалость в ее взгляде тоже была, но и благодарность за что-то, и настоящий интерес. Притом что она старше на три года.

Сам не понимая зачем, он вернулся к транспортеру. Раздвинул рукой прорезиненную бахрому, посветил телефоном. Что там? Хозяйственное помещение? Мусор же должен кто-то вывозить...

Денис лег животом на ленту. Дотянулся до кнопки.

Лента двинулась, как в кошмаре, и понесла Дениса к отверстию, закрытому бахромой. Денис напряжился, подобрался, сжимая в руке телефон...

Бахрома расступилась. Впереди была тьма. Денис включил фонарик; в ту же секунду лента закончилась и он полетел вниз головой в колодец, в шахту...

Нет, не в колодец. В обыкновенный мусорный контейнер, полный упаковок из-под еды и одноразовой посуды. Затрещал пластик. Контейнер сразу же куда-то двинулся, рядом заскрежетал металл, пахнуло кислятиной. Денис, взыв от боли и ужаса, забарахтался в баке, выскочил как пробка. Лихорадочно заметался луч фонарика...

Контейнер, двигаясь по транспортеру, автоматически опрокинулся, вываливая содержимое в огромный железный

бак. Крышка бака герметически закрылась. Контейнер вернулся на свое место. Денис перевел дыхание.

Пиликнул смартфон в руке: девять сорок пять. Денис огляделся в поисках двери, но ничего не нашел. Выругался вслух. Брезгливо отряхиваясь, полез обратно, на ленту транспортера, по-пластунски дополз до прорезиненной бахромы; еще немного, и, как в черной комедии, его сгрузили бы в мусорный бак и закрыли там крышкой...

Интересно, когда прошел первый шок, что подумала Элли о его истории? Поверила ли?

Телефон снова вякнул, на этот раз громко: без двух минут десять. Денис вошел в лифт и уставился на себя в зеркало: с такой рожей девушку не завоюешь. Малолетка после проигранной драки, подарочек из мусорного бака.

– И не больно-то надо, – сказал он себе под нос.

* * *

Они болтали, громкие голоса были слышны в коридоре. Денис хотел постоять снаружи и послушать, но автоматическая дверь разъехалась, и пришлось входить. Три головы повернулись, как по команде «Равняйсь», Денис почувствовал себя Неуловимым Джо, который вваливается в салун, и все разговоры стихают. По выражению лиц он сразу понял, что говорили не о нем, а значит, Элли ничего не рассказала...

Либо ее рассказ сочли несущественным.

Получилось красиво: Денис вошел за десять секунд до начала и опустился на свое место в тот самый момент, когда над столом появилось голографическое изображение корабля во Вселенной и включился доброжелательный голос:

– Добрый день, участники программы. Истекли первые сутки нашего эксперимента. Информация о текущем статусе пассажиров доступна на ваших устройствах. Счастливой работы.

Голограмма начала таять, последним исчез «космос», такой черный и плотный, что, казалось, на него должна была среагировать пожарная сигнализация. Осветился большой экран: население – 403, счастье – 50 %, цивилизованность – 80 %, осмысленность – 70 %. Никто, кроме Дениса, на экран под потолком не смотрел – все уткнулись в свои смартфоны.

– Отучайся опаздывать, – сказала Элли, поклевывая пальцем по экрану.

– Я не опоздал.

– Ты не был на планерке! – Элли посмотрела на него, как завуч на прогульщика. – Ты дрых, а Марго работала всю ночь и кое-что откопала! Марго, сбрось ему...

Марго скользнула пальцем по своему экрану, будто смахивая крошку, и у Дениса дернулся в руке смартфон: шлепнулось сообщение, как слива с ветки. Денис развернул ссылку: «...вы можете читать логи – записи разговоров всех пассажиров за год – используя фильтры *здесь*, выбирая интересные вас ветки *здесь*, группируя по персоналиям, по те-

мам, по событиям *здесь...*»

Денис читал и не верил своим глазам: «...Давайте смеяться! Никто не умер, все просто ушли в другое место... Я не могу ее удержать... Поздравляем, лучики, с этого дня вы – взрослые кванты, а значит, можете пить коктейль в баре...»

– Все их разговоры, – с тихой гордостью сказала Марго.

– ...которые моделирует программа, – добавила Элли.

– Ну да, – Марго не стала спорить. – Очень клево тогда моделирует. У них там свои традиции, суеверия, словечки... Несовершеннолетние называются «лучики», а взрослые называются «кванты»...

Денис уткнулся в свой телефон. Вчера он думал о другом, лазал с фонариком в кустах и пытался целоваться, как придурок. Был занят собой, своей историей и тем, как отнесется к ней Элли. И пропустил важнейшую информацию. А Марго нашла.

– Кстати, у вас уже есть гипотезы, что за контора организовала наш эксперимент? – ему захотелось мстить.

Три собеседника оторвались от экранов. Элли посмотрела укоризненно, Славик виновато, Маргарита – по обыкновению кротко, но за этой кротостью скрывалось раздражение.

– Мы решили этим пока не заморачиваться, – признался Славик. – Разберемся, когда отстреляемся. Когда заработаем каждый свою награду.

И они снова уткнулись в смартфоны.

– Дэн, – Элли что-то разглядывала в глубине экрана, – ты

не против, если мы разоведем твой вчерашний успех?

– Я пас. Больше никаких призраков. Вы, если хотите, можете дальше играть в эту игру, я запасусь попкорном.

– Хорошо, – Элли казалась очень довольной. – Отдыхай, ты заслужил.

– Ух ты! – Марго подпрыгнула на стуле, глядя на экран в руках. – Славик, что ты там говорил насчет конкурса домашнего порно? Они уже такое устраивали!

– Видео есть?! – взвился Славик.

– Нет, это давно было, через год после старта... Они просто вспоминают, говорят об этом. Вроде это плохо закончилось. Кто-то разругался, разошелся, а один чувак вообще ушел в отшельники, заперся и с тех пор живет один. Они зовут его Троль...

– Столько лет?! А он живой вообще-то?

– Корабль его видит. Значит, живой.

– Все это очень весело, – заговорила Элли, – но давайте уже работать. Дано: наши пупсы свято уверовали, что после смерти их ждет воссоединение на Земле, выходят из депры, сосредоточившись на выполнении миссии, в этом заключается смысл их жизни...

– Вообще-то не все, – Марго щелкала пальцем по экрану. – Многие не верят и считают эту девчонку вруньей или сумасшедшей. Там есть такая крутая тетка, Мария...

– Все не могут верить в одно и то же, – сказал Денис.

– Ты вроде пас, – Элли остро на него взглянула. – Дай уже

и нам поиграться, что ли... Мы должны сделать так, чтобы призрака увидела теперь уже Мария. Она не верит в жизнь после смерти. Если получится ее убедить, все поверят как миленькие. Мы накачаем их смыслом, как конфету помадкой.

– Ненавижу помадки, – сказал Денис.

– А кто озвучит текст за призрака? – оживился Славик. – Я однажды в школе играл ежика в спектакле. Дайте мне роль призрака, это проще простого!

– Я первая сформулировала цель, я озвучу призрака, – отрезала Элли. – Это не школьный театр, Славик! Она увидит своего мужчину, Максима, и услышит его голос, Дэн показал нам путь, – она мимоходом улыбнулась Денису. – А наше дело – придумать текст.

Денис почувствовал слабое беспокойство, и оно росло по мере того, как он пытался понять: что не так? Элли, положив телефон на стол перед собой, быстро колотила по экрану:

– Вот, примерно так: «Мария, это я...»

Денис выпрямился:

– Подожди. Это неверное решение.

– Денис! – Элли сверкнула глазами. – Мы же договорились!

– Мы не договаривались. Это неверное решение, давайте еще подумаем! Я хочу выиграть, у меня ставки слишком высокие, понимаешь?!

Секунду они смотрели друг на друга.

– Ты привык быть звездой, – задумчиво сказала Элли. – Понимаю. Но я не глупее тебя, Денис. Расслабься, не волнуйся, верь мне. Ты ведь мне веришь?

И улыбнулась – как тогда, вечером, на краю бассейна.

«ЛУЧ». ЛИЗА

Ось тела совпадает с осью доски. Центр упора на доску в области солнечного сплетения. Ноги выпрямлены, взгляд только вперед. Ладонями упираешься на уровне груди, ровно по центру доски. Толчок руками, ставим одну ногу, другую...

Встали.

Лиза сломала пополам свою доску, когда ей было одиннадцать, положила на два камня носом и кормой и прыгала, пока не послышался хруст. Ее раздражали занятия на берегу: она казалась себе червяком, который бьется в конвульсиях на доске, а отец был слишком требовательным, скучным тренером.

После смерти отца она пошла в рекреационку и взяла его борд.

Вот идет волна. Большая. Совсем близко.

Она успела вскочить на ноги, проехала на гребне несколько метров и свалилась в пену. Ее закрутило, как тряпку, верх и низ перестали существовать, будто кто-то щелкнул рубильником и отключил гравитацию, как отключают надоевший

музыкальный канал. Волна плюнула Лизой в серую пену, похожую на рваные кружева, и залепила лицо мокрыми волосами. Хватая воздух и отплевываясь, Лиза случайно взглянула на берег и сквозь брызги увидела ее. Мария стояла, подставив лицо теплему свету. Ее оранжевая блуза развевалась на ветру: со дня смерти Максима Мария носила только яркие, агрессивно-яркие цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.